

АЛЕКСАНДР ОСОКИН

Великая тайна **Великой**
Отечественной

глаза открыты

Я - УМ - И - РА -

НО - НЕ

КА - А - Н - С -

20/VII - 41

Александр Осокин

**Великая тайна Великой
Отечественной. Глаза открыты**

«WebKniga»

2013

Осокин А. Н.

Великая тайна Великой Отечественной. Глаза открыты /
А. Н. Осокин — «WebKniga», 2013

Перед вами итоговый том документально-публицистического исследования Александра Осокина «Великая тайна Великой Отечественной». Доказывая свою гипотезу о том, что 22 июня 1941 года началась «не та война», к которой готовились Сталин и Гитлер, автор воссоздал уникальную по подробностям картину первого дня боевых действий. Он собрал и прокомментировал факты и документы, во многом меняющие хрестоматийные представления о событиях начала Великой Отечественной войны и предвоенных лет. Если же какие-то версии Александра Осокина покажутся читателю парадоксальными или даже невероятными, не стоит дожидаться того часа, когда гостеприимно распахнутся все архивы, сейфы, «особые папки» – и все странное станет понятным, а тайное явным. Думайте, сопоставляйте, делайте выводы сами, глаза открыты.

© Осокин А. Н., 2013

© WebKniga, 2013

Содержание

Предисловие	6
Версальская мина	11
Итоги Первой мировой войны и революции в России (Версальская конференция)	11
Генуя – Рапалло – путь к милитаризации Германии и СССР (Генуэзская конференция и Рапалльский договор)	13
Кто выдвинул Гитлера в фюреры	14
Олимпиады 1936 г. легитимизируют власть нацистов	22
Война в Испании показала – Гитлер готов воевать	24
Аншлюс Австрии и захват Клайпеды	26
Мюнхенские «миротворцы»	28
Польша – последний этап на пути ко Второй мировой войне	31
Подсказка Золотова вождю	32
Первый шаг к трагедии 22 июня 1941 года. Приезжал ли Гитлер в Москву вместе с Риббентропом?	37
Обнаружен полный список делегации Риббентропа	37
Список делегации Риббентропа	40
Члены делегации, не указанные в списке, но упомянутые в советской прессе в 1939 г	53
Неопознанные лица делегации	55
Фотографии, опубликованные в 1939 г	64
Члены «ближнего круга» фюрера в составе делегации	68
«Фройлен» в составе делегации – Эдит Крюгер или Ева Браун?	76
Берлинские «университеты» для советской оборонной промышленности. Советские авиационные комиссии и делегации в 1939–1941 гг	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Николаевич Осокин
Великая тайна Великой Отечественной
Глаза открыты

© Осокин А. Н., 2013

© «Время», 2013

Предисловие

Всякая истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.
Томас Гексли

Да, эта теория безумна. Но весь вопрос вот в чем: достаточно ли она безумна, чтобы оказаться истинной?!
Нильс Бор

Это странно, но это истина, ибо истина должна быть странной. Более странной, чем фантазия.
Джордж Байрон

Прошло более 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны, однако события 22 июня 1941 г. продолжают оставаться самой большой загадкой в истории нашей страны. Как случилось, что самая мощная армия мира – Красная Армия – была почти полностью разгромлена в первые же дни войны, если с 1919 по 1935 г. Германия фактически не имела армии?

Как получилось, что все связанное с первым днем той войны остается тайной для нашего народа? Почему Парад Победы не повторялся до 1965 г., а День Победы не был государственным праздничным днем с 1948 по 1964 г.?

На эти и множество других вопросов о причинах страшной катастрофы 22 июня 1941 г. у нас сегодня дается множество порой противоречащих друг другу ответов в книгах, фильмах, телепередачах и т. п. Какой же из них правдивый? Как объяснить произошедшую в этот день трагедию учащимся школ, техникумов, колледжей, вузов, а также военных училищ и академий?

Все версии о начале войны 22 июня 1941 г. в конечном счете сводятся к трем:

1. Официальная советская версия (фактически – версия Сталина), созданная в годы войны советской пропагандой, необходимая тогда, но совершенно неправомерно поддерживаемая отечественной исторической наукой и по сей день: фашистская Германия напала: а) превосходящими силами, б) имея лучшую военную технику, в) вероломно. Однако опубликованные в последние годы данные показали, что «а» и «б» не соответствуют действительности, а «в» – просто глупость, ибо какая могла быть вера Гитлеру, постоянно нарушавшему все договоренности и захватившему к тому времени почти всю Европу.

2. Версия В. Резуна-Суворова, впервые озвученная Геббельсом и Риббентропом утром 22 июня 1941 г. и изложенная как «открытие» в книге В. Суворова (Резуна) «Ледокол» в 1992 г.: Сталин готовил нападение на Германию, а Гитлер, узнав об этом, опередил его и нанес превентивный удар. Расположение советских и немецких частей на границе СССР (наши в 30 – 300 км от границы, немецкие – до 1 км) и отсутствие в передовых советских частях боеприпасов и горючего (в то время как на фото немецких танков первого дня войны видно, что каждый из них увешан канистрами да еще имеет по две бочки бензина в прицепе) – это факты, которые решительно опровергают версию № 2.

3. Версия, предложенная мной и впервые полностью опубликованная в моей книге «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны» (2007): советские войска стягивались к западным границам, потому что Сталин готовил их не к обороне и не к удару по Германии, а к транспортировке через Польшу и Германию к берегам Ла-Манша. Об этом он договорился с Гитлером, взамен пообещав обеспечить переброску немецких войск

через СССР к Ираку. При этом в обоих случаях боеприпасы и горючее должны были перевозиться отдельно от живой силы и оружия. Эта переброска в обе стороны условно названа мной Великой транспортной операцией. (Вполне возможно, что решение о том, куда нанести удар – по Англии или по Германии, Сталин собирался принять в последний момент, оказавшись на берегу Ла-Манша.) Узнав об этом, Черчилль приказал заманить в Англию или даже выкрасть Гесса (что должно было вызвать недоверие Сталина к Гитлеру) и через него договорился с Гитлером о нанесении совместного удара по СССР на рассвете 22 июня 1941 г, но обманул его. В результате с этого дня Германии пришлось вести войну на два фронта. Вот почему документы о пребывании Гесса в Англии по сей день не рассекречены. Эта, совершенно невероятная на первый взгляд, версия при внимательном рассмотрении объясняет все странности и загадки первого дня войны. Не случайно, что заявка, а затем и сценарий именно на основе этой гипотезы победили в 2006 г. на конкурсе Федерального агентства по культуре и кинематографии по теме «Начало Великой Отечественной войны в свете новых исторических исследований». Благодаря этому получил финансирование и был снят на студии «Встреча» документальный 52-минутный фильм «Тайна 22 июня» (режиссер С. Головецкий, сценарий А. Осокина и С. Головецкого, продюсер Н. Гугуева). Его премьера на большом экране состоялась в Доме кино 15 января 2008 г., а в телеэфире – 22 июня 2008 г., когда фильм и его 47-минутное обсуждение показали на телеканале «Звезда».

Этот «дуплет» – вышедшие практически одновременно книга и фильм – произвел сильное впечатление и кажущейся невероятностью изложенной гипотезы, и, по мнению многих, «ненаучно-историческим» методом автора, который считает рассказ участника событий, или чудом сохранившуюся его записную книжку 1941 г., или фотографии тех дней столь же серьезными документами, как и официальные архивные. Мне показалось, что нельзя просто сидеть в архивах, изучая события 1939–1941 гг., когда еще живы люди, в них участвовавшие. После выхода книги некоторые ветераны стали писать и звонить в издательство и выходить на контакт со мной. От них я услышал самое важное для себя: «Спасибо вам за то, что объяснили нам многие непонятные вещи, происходившие с нами в июне 1941 года». «Хорошо, что мы успели узнать, что тогда происходило на самом деле».

Ведь когда я решался на публикацию своей гипотезы, мое единственное сомнение заключалось именно в этом – не нарушит ли она душевный покой наших ветеранов. То, что я услышал от этих людей, необходимо было донести до всех, а новым для меня фактам дать объяснения. Поэтому я много встречался с участниками войны, в первую очередь с теми, кто воевал с ее первого дня, искал ответы на поставленные ими новые вопросы, подбирал и изучал фото- и кинокадры. В результате этих встреч и бесед написал еще одну книгу, расширяющую мою гипотезу и дающую более полную картину предвоенных событий и первого дня войны – «Великая тайна Великой Отечественной. Ключи к разгадке». Она была издана в том же издательстве «Время» и вышла в свет в январе 2010 г. Как только сообщение о выходе этой книги вместе с аннотацией издательство разместило на своем сайте, там сразу же появился следующий комментарий, написанный человеком, который явно прочитал первую книгу и лишь аннотацию ко второй:

«Эта версия останется всего лишь курьезом, хотя, может, и заслуживает внимания не только как набор остроумных интерпретаций. Поизрасходовали пыл и незыблемость неприкосновенных основ на Резуна, так что реакция будет вялой и снисходительной» (Сергей Панин).

Эта короткая, ироничная и двусмысленная по форме, но очень глубокая по сути рецензия сразу двух версий начала Великой Отечественной войны является очень точной оценкой вреда, нанесенного правде о начале войны «Ледоколом» Резуна-Суворова. Раскрыв для читательской массы долго скрывавшуюся нашими пропагандистами и историками часть правды (во-первых, что официальная версия начала войны не соответствует действительности и, во-вторых, что велась тайная переброска советских войск к границе), Резун объяснил ее неправ-

дой (якобы подготовкой Сталиным удара по Германии). Это означало, что он признавал справедливость гитлеровско-геббельсовского объяснения нападения Германии на СССР и выводил из-под удара Черчилля, который это нападение спровоцировал. Поэтому понять, в чем, по моему мнению, состояла правда (Сталин по договоренности с Гитлером готовил свои войска не к удару по Германии, а к Великой транспортной операции), читательской массе теперь действительно будет гораздо труднее, так как свои эмоции и восторги по поводу узнавания правды о начале войны она уже поторопилась излить на Резуна. Конечно же это сильно затян timer процесс понимания и признания новой гипотезы, но ни в коем случае не остановит его.

К тому времени я обнаружил, что большинство изданных в советские годы мемуаров о начале войны (не говоря уж о книгах многих историков) были сильно скорректированы цензурой и самоцензурой, подгонявшей их под действовавшие тогда каноны. Особенно заметно это было по описаниям встреч военачальников и руководящих работников со Сталиным. Вышедшая в 2008 г. книга «На приеме у Сталина» (тираж 350 экз.), содержащая ежедневные записи секретарями времени посещения его кабинета с точностью до минуты, опровергала сведения очень многих авторов.

Я понял, что для документального подтверждения фактов, дат, установления истоков тех или иных решений, принимаемых высшим руководством страны, а если точнее – лично Сталиным, необходимо обратиться к архивам. Начал я свой поиск в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), где хранится Архив Политбюро и часть Сталинского фонда (самые важные и знаковые документы которого остались в Архиве Президента Российской Федерации – АП РФ), а также в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

В этих архивах мне удалось найти ряд уникальных документов и фотографий, отражающих особые предвоенные отношения СССР с Германией. Результаты моих поисков были опубликованы в газете «МК» 22–23 июня, 11–13 августа и 28–29 октября 2010 г., а также 21 июня и 19–20 июля 2011 г. (в общей сложности около десяти газетных полос). Поскольку все представленные там материалы вы найдете в этой книге, отмечу лишь два факта. Из обнаруженных мной и впервые опубликованных в «МК» документов следует, что почему-то делегация Риббентропа, находившаяся в Москве в августе – сентябре 1939 г., почти на треть состояла из личного окружения Гитлера, а при приезде Молотова в Берлин там оказалось столько советских руководителей и военачальников, что вполне можно было назвать публикацию об этом событии «Выездное заседание Совнаркома в Берлине».

На радиостанции «Говорит Москва. 92 ФМ» прозвучал цикл авторских передач о начале войны в свете этой гипотезы. Несмотря на то что этот цикл занял в 2010 г. второе место в конкурсе Центрального федерального округа «Победа...» в номинации «Неизвестная война», со стороны историков – гробовая тишина. А что им сказать? Как объяснить, что «непрофессионал» находит в самых серьезных архивах и вводит в научный (и всенародный) оборот важнейшие документы, не обнаруженные историками-профессионалами более чем за 70 лет?

Все найденные мной в архивах интересные и важные документы, проливающие свет на предвоенные отношения СССР и Германии и объясняющие невероятные события предвоенного периода, 22 июня 1941 г. и первых недель войны, вошли в книгу, которую вы держите в руках. Она завершает мою трилогию о первом дне войны – «Великая тайна Великой Отечественной».

Сегодня в борьбе мнений о начале Великой Отечественной сложилась такая ситуация, когда официальная советская версия практически если не опровергнута полностью, то девальвирована опубликованными с начала перестройки мемуарами советских генералов и маршалов, а также рядовых участников войны, зарубежными изданиями и вновь открытыми документами российских и зарубежных архивов. Установлено, что предвоенное военно-техническое сотрудничество СССР и Германии было весьма плодотворным для обеих сторон.

Оказывается, немцы не только передали СССР практически все запрошенные самолеты, но и перегнали их большую часть в СССР силами немецких летчиков. Непрерывно совершались поездки военно-технических делегаций и комиссий в обе стороны (до мая 1941 г.). Были осуществлены колоссальные поставки в СССР немецких изделий, документации, технологий и оборудования для авиации, артиллерии и боевых кораблей (в том числе был продан СССР новейший тяжелый крейсер «Лютцев», правда недостроенный), а также огромное количество самого разного военного снаряжения, боеприпасов и приборов. Такие поставки могли осуществляться только предполагаемым союзникам, но никогда – вероятным противникам. В обмен на них СССР отправлял в Германию крайне необходимые ей горючее, сырье и продовольствие.

Главное же – четко зафиксирована тайная переброска к западным границам СССР в апреле – июне 1941 г. колоссального количества советских воинских частей и соединений вплоть до армий. До последнего времени именно это крупнейшее предвоенное мероприятие Красной Армии считается основным подтверждением правильности суворовской версии начала войны – подготовки советских войск в 1941 г. не к обороне, а к удару по Германии, тем более что впервые эти мероприятия были зафиксированы именно им.

Но я считаю, что только новая гипотеза о Великой транспортной операции объясняет истинную причину этой переброски и убедительно показывает, что она была согласована с Гитлером, а значит, не могла быть причиной нападения Германии на СССР, как не может служить его оправданием и сегодня. Скорее всего, оно было спровоцировано английской разведкой и авиацией по указанию Черчилля.

Открытие правды о причине катастрофы Красной Армии 22 июня 1941 г. нисколько не умаляет величия нашей Победы в войне с германским фашизмом, а напротив, лишь возвеличивает подвиг нашего народа, сумевшего разгромить сильнее врага после столь тяжкого поражения в первые дни войны. И главное, становится понятным, что причина катастрофы первых дней войны – не слабость нашей разведки, промышленности и армии, а личный проигрыш Сталина в предвоенной игре тайной дипломатии. Это было то же, что выдающийся публицист и социолог XIX в. Николай Данилевский, говоря о начальной фазе Отечественной войны 1812 г., назвал «великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество».

Необходимо сказать правду о начале Великой Отечественной войны хотя бы через 70 лет со дня ее начала. Историю Великой Отечественной писали не историки, а пропагандисты, но так и следовало делать в годы войны. Сейчас же необходимо представить истинную картину происходившего в те дни, а главное – назвать причины трагедии. Пора снять вину за нее с наших военачальников, командиров и рядовых красноармейцев. Много лет партийные идеологи в нашей стране делали все, чтобы возложить ее на невиновных. Пора восстановить справедливость.

И еще один довод, почему это сделать необходимо. Мне рассказали, как совсем недавно на одном из часто посещаемых россиянами турецких курортов 9 мая произошел такой случай.

Большая компания наших соотечественников за сдвинутыми столиками отмечала День Победы, в это время мимо них проходила группа немцев. Один немец что-то сказал своему спутнику. Молодой русский мужчина крепкого сложения заметил это и громко спросил: «Что, не нравится наш День Победы? А вы его не забываете!» Немцы благоразумно удалились... Но уже в дверях здоровенный немец задержался и вернулся к праздничному столу. Наклонившись к нашему здоровяку, он негромко сказал: «Ми помним девятый май, а ви не забывайте, что был и двадцат два юни». Затем повернулся и спокойно ушел. «Ты понимаешь, мне даже сказать было нечего!» – переживал рассказчик.

И вдруг я понял, что, несмотря на проигранную войну, немцы гордятся ее первым днем, когда они были победителями, так же как французы гордятся победами Наполеона в России.

Недаром на Триумфальной Арке в Париже выбит целый список русских городов, захваченных его армией в 1812 г. А ведь эти немцы не знают, что их предки 22 июня 1941 г. «побеждали» фактически безоружных людей. Вот для чего еще нужно рассказать истинную правду о 22 июня!

Скрытая правда – это всегда мина замедленного действия, рано или поздно она обязательно взорвется. Не будем забывать и о том, что после разгрома Германии часть документов, проливающих свет на предвоенное германско-советское сотрудничество и нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., оказалась в руках наших союзников по антигитлеровской коалиции – США и Англии. А это значит, что захваченные ими архивы представляли для руководства СССР и лично Сталина не меньшую опасность, чем атомная бомба, ибо тоже наверняка использовались для шантажа. Вот тогда и пошла речь о постоянной «советской угрозе» и началась бешеная гонка вооружений, ибо личную предвоенную ошибку Сталина западные политики возложили на весь советский народ. Из-за скрытой правды о начале Великой Отечественной под угрозой ядерной войны в течение десятков лет жили уже дети тех, кто перенес все тяготы фашистского нашествия. Давайте же наконец откроем эту правду! Цель книги, завершающей трилогию о первом дне войны «Великая тайна Великой Отечественной», – только в этом.

Выражаю искреннюю благодарность и признательность всем, кто помог мне в подготовке этой книги к изданию:

советами и замечаниями – **Станиславу Ивановичу Аверину**, Николаю Михайловичу Анитову, Валентину Анатольевичу Белоконову, Агдасу Хусаиновичу Бурганову, Александру Ивановичу Владимирову, Григорию Григорьевичу Водолазову, **Теодору Кирилловичу Гладкову**, Александру Валентиновичу Глушко, Сергею Анатольевичу Головецкому, Николаю Николаевичу Ефимову, Анатолию Ивановичу Канащенкову, Александру Федоровичу Корнякову, Олегу Васильевичу Кустову, Леонтию Михайловичу Матиясевичу, Юрию Андреевичу Остапенко, Александру Борисовичу Симкину, Виктору Григорьевичу Трифонову, Льву Дмитриевичу Цесаркину, Виктору Васильевичу Черкашину;

в подборе материалов – Анатолию Николаевичу Антипову, Виктору Михайловичу Бабурину, Анатолию Борисовичу Бакушеву, Ларисе Яковлевне Бессоновой-Таубиной, Марии Ивановне Громыко, Ефиму Владимировичу Дубровскому, Вениамину Михайловичу Ивлиеву, Ольге Николаевне Ивлиевой, Николаю Борисовичу Квасову, Марку Владимировичу Коновалову, Сергею Александровичу Корнякову, Валерию Васильевичу Лаврику, Анатолию Ивановичу Леонову, Александру Аркадьевичу Льву, Рою Александровичу Медведеву, Леониду Ивановичу Матвееву, Александру Васильевичу Новобранцу, Виктору Александровичу Островскому, Александру Семеновичу Себко, Геннадию Семеновичу Тысяцкому, Осипу Яковлевичу Хотинскому, Александру Борисовичу Шпитальному, Александру Федоровичу Щеглову, Николаю Васильевичу Якубовичу;

в редактировании – Наталье Анатольевне Рагозиной, Татьяне Николаевне Саранцевой;

в оформлении текста и фотоматериалов – Валентину Павловичу Вахламову, Татьяне Романовне Савицкой, Анне Вячеславовне Саранцевой.

Отдельная глубокая благодарность бывшему директору Историко-документального департамента МИД РФ Константину Константиновичу Провалову, его заместителю Игорю Владимировичу Фетисову, коллективу АВП РФ и лично – Надежде Павловне Мозжухиной, Сергею Витальевичу Павлову и Наталье Владимировне Сергеевой,

Особая искренняя благодарность коллективу РГАСПИ и лично – заместителю директора Валерию Николаевичу Шепелеву, сотрудникам Ирине Николаевне Селезневой и Михаилу Владимировичу Страхову.

Версальская мина *Кто заказал Вторую мировую войну?*

Итоги Первой мировой войны и революции в России (Версальская конференция)

До сих пор не дано четкого объяснения причины, по которой интервенция иностранных государств в Советскую Россию в годы Гражданской войны была спонтанной, разрозненной и кратковременной. Почему Антанта, закончив войну с Германией, не перенесла ее на территорию России, не создала сплошной фронт и не направила все свои силы против Красной Армии? Ведь именно тогда морской министр Великобритании У. Черчилль призвал к крестовому походу против большевиков. Но поход не состоялся. Советская пропаганда объясняла это, во-первых, тем, что империалисты Европы боялись контакта своих армий с революционной Россией, чтобы не занести коммунистическую заразу на территорию собственных стран (как это случилось с кайзеровской Германией), а во-вторых, непобедимостью Красной Армии «от тайги до британских морей».

Западные политики в своих объяснениях напирали на то, что их народы, а в первую очередь армии, устали от четырехлетней мировой войны, ресурсы истощены и экономика подорвана. Не последнюю роль в прекращении вооруженной борьбы с Советской Россией сыграли и небывалые людские потери в Первой мировой войне. Франция потеряла убитыми 1 млн 518 тыс. чел., Великобритания – 911 тыс. чел. (Россия потеряла более 2 млн человек, что, однако, не удержало ее от двух революций и кровопролитной Гражданской войны.)

Скорее всего, вопрос о том, что делать с Советской Россией, страны-победительницы тайно решали на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., одновременно с решением судьбы стран Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Турции). После длительных секретных совещаний на этой конференции был выработан и подписан Версальский мирный договор 1919 г. Он вступил в силу 10 января 1920 г., после того как его ратифицировали Германия и четыре страны-победительницы – Великобритания, Франция, Италия и Япония.

Конечно же статьи этого документа в первую очередь касались будущего Германии. Они предусматривали изъятие у Германии огромных территорий. Она возвращала Франции Эльзас-Лотарингию; Бельгии – округа Мальмеди и Эйпен, а также так называемую нейтральную и прусскую части Морене; Польше – Познань, части Поморья и другие территории Западной Пруссии; г. Данциг (Гданьск) и его округ были объявлены «вольным городом»; г. Мемель (Клайпеда) передан в ведение держав-победительниц (в феврале 1923 г. он был присоединен к Литве). К Чехословакии отходил небольшой участок силезской территории. Саар переходил на 15 лет под управление Лиги Наций, а по истечении 15 лет его судьба должна была решиться путем плебисцита, одновременно тем же путем должен был решиться вопрос о ряде граничащих с Польшей германских земель. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. Всего по Версальскому договору Германия потеряла 67,3 тыс. кв. км, а также лишилась всех своих колоний, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов Лиги Наций.

Согласно Версальскому договору вооруженные силы Германии должны были быть ограничены сотысячной сухопутной армией, создаваемой на добровольной основе. Обязательная военная служба в этой стране отменялась. Основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче победителям. Были также наложены жесткие ограничения на строительство новых боевых кораблей, в частности Германии запрещалось строить подводные

лодки. Запрещалось также иметь многие современные виды вооружения – боевую авиацию, бронетехнику (за исключением небольшого количества устаревших машин для нужд полиции). Условия Версальского мирного договора были не просто оскорбительными и жестокими по отношению к великой державе Германии. Фактически они оказались провокационными, поскольку неизбежно вели к катастрофическому падению жизненного уровня населения, а следовательно, к крайней социальной нестабильности внутри страны. Сложившаяся ситуация порождала в Германии стремление к реваншу, усиление ультраправых сил и способствовала приходу к власти крайне реакционной фашистской партии. Поэтому можно сказать, что Версальский мирный договор был миной замедленного действия, которая должна была взорвать Германию и бросить ее на войну с Советской Россией. На эту мысль наводит и тот факт, что выполнение целого ряда жестких ограничений, наложенных на Германию, европейские державы должным образом не контролировали, а прямое нарушение их намеренно спускали ей с рук (в том числе аншлюс Австрии, отторжение Судетской области от Чехословакии и последующую оккупацию Чехии и Моравии).

Об отношении к Советской России и ее дальнейшей судьбе в Версальском договоре прямо ничего не говорилось. В разделе XIV «Россия и русские государства» оговаривались лишь два момента, связанные с обязательствами Германии в отношении России: а) «Германия... обязуется уважать как постоянную и неотчуждаемую независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года», а также «окончательно признает отмену Брест-Литовских договоров, а также всяких иных договоров, всех других Договоров, соглашений и конвенций, заключенных ею с максималистским правительством в России» (статья 116). б) «Германия обязуется принять полную силу всех Договоров или Соглашений, которые Союзные и Объединившиеся державы заключили бы с государствами, которые образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи» (статья 117) (Итоги империалистической войны: Серия мирных договоров. Ч. 1. Версальский мирный договор / Полн. перевод с франц. Ю. В. Ключников, А. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1925). Эти уделенные России две статьи Версальского мирного договора (полстранички из 172 страниц русского перевода его полного текста) фактически ставили под сомнение легитимность большевистского режима в России и предполагали ее развал на ряд мелких государств.

Генуя – Рапалло – путь к милитаризации Германии и СССР (Генуэзская конференция и Рапалльский договор)

Однако выпадение таких гигантов, как Россия и Германия, из мирового экономического сообщества не могло не привести к его тяжелейшему мировому кризису, с целью предотвращения которого весной 1922 г. (10 апреля – 19 мая) в Генуе и была созвана международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Официальной целью конференции было изыскание мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы». Фактически же главным был вопрос политический – об отношениях между Советским государством и капиталистическим миром. Последний был заинтересован в том, чтобы вернуть на мировой рынок Советскую Россию, а также Германию и ее бывших союзников, потерпевших поражение в Первой мировой войне.

Эта была первая встреча дипломатов стран Запада с руководством Советской России. Делегации возглавляли лидеры стран или их представители. Председателем советской делегации был назначен В. И. Ленин, но он не приехал, и руководство на месте осуществлял его заместитель по делегации нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Западные страны попытались заставить РСФСР признать долги царского и Временного правительств, вернуть промышленникам-иностранцам предприятия, национализированные Советской властью, или компенсировать их стоимость, а также ликвидировать в Советской России монополию государства на внешнюю торговлю. Чичерин отверг все эти требования и выдвинул контрпретензии: возместить Советскому государству убытки, причиненные военной интервенцией и блокадой (причем если довоенные и военные долги России составили в сумме 18,5 млрд золотых руб., то предъявленные убытки Советского государства в результате интервенции и блокады – 39 млрд золотых рублей). Делегация РСФСР представляла на этой конференции все советские республики, существовавшие в то время на территории бывшей Российской Империи: Азербайджанскую, Армянскую, Белорусскую, Бухарскую, Грузинскую, Украинскую, Хорезмскую, а также Дальневосточную. Советская делегация заявила, что РСФСР признает довоенные долги и право бывших собственников получать в концессию или аренду ранее принадлежавшее им имущество при условии признания всеми де-юре Советского государства, оказания ему финансовой помощи и аннулирования военных долгов и процентов по ним. Ею также был поставлен вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Однако вопросы сокращения вооружений и урегулирования взаимных финансово-экономических претензий не были разрешены.

Зато 16 апреля в ходе Генуэзской конференции советской дипломатии удалось предотвратить создание единого фронта государств, добивающихся дипломатической изоляции Советской России, и заключить с Германией Рапалльский договор. Этот договор, заключенный ночью в гостиничном номере германского канцлера Ратенау, вызвал негодование стран Большой и Малой Антанты, так как прорвал кольцо блокады вокруг Советской России. Благодаря ему, а также подписанным 11 августа 1922 г. секретным соглашениям Германия получила возможность в течение 11 лет создавать на территории СССР полигоны, на которых испытывалась новейшая немецкая военная техника, разрабатывалась и отрабатывалась тактика ее боевого применения, а также обучался личный состав обеих стран. Россия же получала за это оплату в валюте, а также «право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках». Значительная часть образцов немецкой военной техники запускалась в серийное производство на советских заводах, а часть разработок осуществлялась в советских КБ с участием немецких специалистов. В результате такого тайного взаимовыгодного сотрудничества Советская Россия и Веймарская республика сумели не выпасть из руслу научно-технического прогресса и не отстали в военно-техническом отношении от великих держав-победительниц в Первой мировой войне.

Кто выдвинул Гитлера в фюреры

Арестованный, а затем осужденный за участие в «пивном путче» 8–9 ноября 1923 г., ветеран Мировой войны (слово «первая» к этому названию тогда еще не прилагалось), бывший ефрейтор 16-го баварского полка Адольф Гитлер, в то время председатель небольшой баварской Национал-социалистической рабочей партии, 13 месяцев провел в камере ландсбергской тюрьмы, где начал писать свои мемуары.

Ему помогали его сокамерники – члены его партии, участвовавшие в «пивном путче» в Мюнхене: Р. Гесс (его личный секретарь), Э. Маурис (личный шофер) и В. Хевель (знаменосец во время путча); двое первых поочередно печатали текст на пишущей машинке, а последний держал корректуру. Книга называлась «4 1/2 года борьбы против лжи, глупости и коварства», первая ее часть вышла в свет летом 1925 г. под названием «Моя борьба» («Майн кампф»). В ней кроме фактов автобиографии Гитлер дал свое объяснение причин и результатов Мировой войны, изложил свою политическую программу и идеи национал-социализма, основанные на расизме и милитаризме. Он обвинил марксистов и евреев в ликвидации в Германии монархии и в появлении демократической республики. Однако заявил, что собирается захватить власть в стране демократическим путем – в результате победы Национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP) под его руководством на выборах в рейхстаг. А предвыборная кампания требовала огромных средств, которых у мелкой региональной рабочей партии не было. Поэтому, скорее всего, главной задачей этой книги было не что иное, как привлечение спонсоров. Для этого надо было объявить, чего ждать от прихода к власти NSDAP под руководством Адольфа Гитлера. И он объявил: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Моя_борьба).

Таким образом, в отличие от остальных претендентов на власть, обещающих возрождение Германии путем реванша (что означает возврат аннексированных по Версальскому договору территорий и прекращение выплаты репараций), Гитлер заявляет, что главной целью его политики станет завоевание новых земель на Востоке, то есть война с Советской Россией. А по поводу реванша он пишет: «Надо временно отодвинуть вопрос о возвращении отторгнутых областей и все внимание сконцентрировать на том, чтобы укрепить оставшиеся территории...» И тут же закладывает еще один краеугольный камень своей антисоветской и антирусской политики, утверждая, что все выдающиеся достижения России были достигнуты только благодаря немцам: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы».

Совершенно очевидно, что для завоевания новых земель требуется милитаризация экономики и создание мощного современного вооружения. А союзники Германии в этой книге указаны прямо: «Для Германии возможны только два союзника в Европе: Англия и Италия». Немыслимо, чтобы Сталин посчитал это приглашением к альянсу с нацистами (что приписывают ему некоторые «исследователи») и начал «приводить к власти Гитлера». Главный из тех, кто это утверждает – Резун-Суворов. Но это опровергается тем, что после прихода Гитлера к

власти одиннадцатилетнее послерапальское советско-германское сотрудничество было существенно сокращено¹ и возобновлено на гораздо более высоком уровне только после заключения договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. На все эти послы Гитлера среагировали именно те, кому они и были адресованы, а именно промышленно-финансовые силы мира, заложившие в 1919 г. «версальскую мину». Вот он, тот человек, который должен возглавить Германию и повести ее в ими же указанную сторону – на Восток (пресловутый «Дранг нах Остен»). Такого лидера и его партию надо серьезно поддержать, и в первую очередь – деньгами.

Конечно же нашлись покровители и среди немецких промышленников и банкиров: Тиссен, Кирдоф, который распоряжался секретным фондом тяжелой индустрии, и, наконец, финансовый гений – Ялмар Шахт. Однако следует помнить, что национал-социалисты предпочитали революционные методы борьбы, то и дело переступая границы законности, а для германской промышленности самым важным в тот момент была стабильность. Поэтому, хотя хорошо известно, что отдельные германские финансисты и промышленники помогали нацистскому движению и лично фюреру, значительных вливаний в бюджет партии от них не могло быть. Но зато на Гитлера обратили серьезное внимание те, кто заложили «версальскую мину». В этот период возле фюрера начинают появляться странные личности: либо иностранцы, либо лица с двойным гражданством, связанные с крупными англосаксонскими монополиями.

Первым из них можно назвать главного «пиарщика» Гитлера в период между «пивным путчем» и приходом к власти нацистов – Эрнста Ханфштенгля. Он родился в 1887 г. в Мюнхене в семье известных издателей. Его отец был немец, а мать американка. Детство и юность он провел в Германии, а затем переехал в Америку. В 1909 г. окончил Гарвардский университет и был принят в самых высших кругах США – среди его друзей и знакомых были экс-президент Т. Рузвельт и будущий президент Ф. Д. Рузвельт, поэт Т. Элиот, журналисты У. Липпман и Д. Рид, банкир Д. П. Морган, промышленник Г. Форд, дочь президента В. Вильсона и неисчислимое множество других «сильных мира того». В 1921 г. (спустя год после подписания Версальского договора!) Ханфштенгль вернулся в Германию. В 1922-м по рекомендации помощника военного атташе США в Берлине капитана Трумэна-Смита он впервые увидел Гитлера, а затем и познакомился с ним. Став вскоре близким другом и советником фюрера, знакомил его с нужными людьми, а также оказывал личную финансовую помощь (первую тысячу долларов Гитлер получил от него на покупку двух ротационных машин, что позволило превратить жалкий нацистский листок «Фелькише Беобахтер» в ежедневную газету). Ханфштенгль содействовал изданию первого тома «Майн кампф». В последующем он несколько раз спасал Гитлера от ареста и однажды даже от самоубийства. Войдя в ближайшее окружение фюрера, он получил прозвище Путци (весельчак, шутник) и считался придворным шутком, имеющим право говорить Гитлеру все, что угодно. После прихода Гитлера к власти Ханфштенгль получил официальный пост руководителя Службы иностранной прессы.

Далее у него начались трения с министром образования и пропаганды Геббельсом, и в 1937 г. он тайно выехал в Швейцарию, а затем в Англию. После начала Второй мировой

¹ Когда рукопись этой книги уже находилась в издательстве, я обнаружил решения Политбюро «О торговом соглашении с Германией» № П23/184 от 22 марта 1935 г. [18. С. 115] и «О торговых заказах в Германии» № П24/107 от 7 апреля 1935 г. [Там же. С. 117]. Оказалось, что на их основании торгпред Д. Канделаки 9 апреля 1935 г. заключил торговое соглашение с Германией с кредитом на такую же сумму, как при подписании пакта Молотова – Риббентропа, – 200 млн марок! Причем уже к 3 сентября того же года от Германии было получено товаров на 115 млн марок. И еще один факт, на который почему-то никто не обратил должного внимания. В 1937 г., в разгар гражданской войны в Испании, на осенних маневрах Белорусского военного округа, проводившихся под руководством командующего округом И. П. Белова и под наблюдением наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова, «в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого генерального штаба». Об этом сообщил маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» [28. С. 152]. Интересно отметить, что об участии военных представителей других стран он не упоминает. Все это свидетельствует о том, что, вопреки общепринятому мнению, между СССР и Германией и в 1933–1939 гг. продолжалось сотрудничество.

войны Ханфштенгль был интернирован в Канаде, откуда по личному указанию президента США Рузвельта его доставили в США, и до 1944 г. он работал консультантом Вашингтона по вопросам личных взаимоотношений и внутренних событий в нацистской верхушке, а также по вопросам психологического противостояния и геополитики. На снимке Гитлера с группой приближенных на фоне самолета во время избирательной кампании 1932 г. Э. Ханфштенгль, высокий, элегантный мужчина, стоит крайним слева рядом с Гитлером. Но кто же стоит там крайним справа?

Э. Ханфштенгль – личный пресс-секретарь Гитлера, А. Гитлер, личный адъютант Ю. Шауб, личный фотограф г. Гофман, личный пилот г. Баур, неизвестный. Предвыборная кампания 1932 г.

Как ни удивительно, на этом месте мог стоять Рандолф Черчилль, родной сын Уинстона Черчилля! Намек на это дал сам Ханфштенгль, который в своей книге «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер» написал: «Превращение Гитлера в фигуру национального и международного масштаба породило одно из тех противостояний, которые так любимы историками, – конфронтацию (??? – А. О.) с сэром Уинстоном Черчиллем... Сэр Уинстон упоминает этот случай в своих мемуарах... Я весьма часто видел его сына Рандолфа в ходе наших предвыборных поездок. Я даже пару раз устраивал так, чтобы он путешествовал вместе с нами на самолете. Он сказал, что его отец собирается посетить Германию и нам следует организовать встречу. В апреле (1932 г. – А. О.) во время или сразу после президентской кампании я приземлился с Гитлером в мюнхенском аэропорту, и там меня ожидала телефонограмма от Рандолфа. Его семья с сопровождающими лицами остановилась в мюнхенском отеле “Континенталь” (а не в “Регина Палас”, сэра Уинстона подвела память²), и Рандолф приглашал меня к ним на ужин и надеялся, что я смогу привести с собой Гитлера, чтобы он встретился с его отцом. Я сказал ему, что сделаю, что смогу, но мы устали, нам нужно привести себя в порядок...» [94. С. 225]. Далее на трех страницах Ханфштенгль подробно описывает, как он уговаривал Гитлера встретиться с Черчиллем, но «Гитлер так и не появился. Он просто струсил...» [Там же. С. 226–228]. И дает этому

² Имеется в виду упоминание Черчилля о своей поездке в Мюнхен в его книге «Вторая мировая война».

объяснение: «Когда он сталкивался с человеком, равным ему по политическим способностям, в нем снова просыпался неуверенный буржуа». На этих же трех страницах Ханфштенгль описывает ужин с семьей У. Черчилля в отеле «Континенталь» и их беседу, во время которой Черчилль затронул ряд весьма серьезных вопросов, например, попросил: «Передайте моему боссу от меня, что антисемитизм может дать хороший толчок, но в качестве лозунга он не подойдет». Или: «Скажите мне, что ваш лидер думает о союзе между вашей страной, Францией и Англией?» Итак, в разгар избирательной кампании частное лицо из Англии (а на самом деле один из лидеров партии консерваторов!) У. Черчилль приезжает в Германию, причем не в Берлин, а именно в Мюнхен, где находится главный штаб национал-социалистической партии, причем в тот самый день, когда туда прилетел непрерывно разъезжавший в то время по Германии ее кандидат в канцлеры – Адольф Гитлер. Похоже, что встреча была согласована обеими сторонами, в том числе и через сына У. Черчилля Рандолфа, который по непонятной причине участвовал в германской избирательной кампании и даже летал с Гитлером в одном самолете. Тогда возникает несколько вопросов. Не затем ли приехал в Германию У. Черчилль, чтобы лично посмотреть на кандидата в канцлеры Германии Гитлера и даже побеседовать с ним? Не для того ли он передавал Гитлеру советы через Ханфштенгля, чтобы тот победил на выборах? Может быть, встреча и беседа Черчилля с Гитлером все же состоялась? Какое-то время я был уверен, что высокий человек справа на вышеупомянутом групповом снимке все-таки и есть Рандолф Черчилль. То есть Черчилль сначала послал своего сына для участия в избирательной кампании Гитлера, а затем сам приехал посмотреть на кандидата и побеседовать с ним. Ниже я привожу несколько фото Р. Черчилля в разные периоды его жизни, а также фото адъютанта Гитлера В. Брукнера, так как пилот Гитлера Ганс Баур в своей книге утверждает, что это он крайний справа на указанном групповом снимке.

У. Черчилль с сыном Рандолфом

В. Брукнер

Неизвестный

Внимательно рассмотрев эти фото, я убедился, что крайний справа на фото группы, участвовавшей в предвыборных полетах Гитлера, все же Брукнер, а не Рандолф Черчилль, хотя на этом месте вполне мог стоять и он.

Небезынтересно, что следующий контакт с фюрером влиятельные круги Великобритании осуществляли с помощью двух очаровательных молодых аристократок – сестер Дианы и Юнити Мидфорд (кстати, У. Черчилль, приходившийся им двоюродным дядей, общался с ними и даже дал Диане прозвище Динамит). На одном из приемов в Лондоне в 1933 г. Диана (тогда подруга, а затем жена лидера английских фашистов Освальда Мосли) познакомилась все с тем же Эрнстом Ханфштенглем. Он пригласил присутствовавших в Германию, чтобы своими глазами увидеть «новый порядок», к созданию которого он как политтехнолог имел прямое отношение. Диана вместе с сестрой Юнити отправились в столицу нацистской партии Мюнхен, разыскали там Ханфштенгля и получили от него приглашения на очередной партийный съезд в Нюрнберг

вместе с необходимыми билетами и заказанным номером в гостинице. Юнити была потрясена увиденным на съезде, ко всему прочему она еще и влюбилась в фюрера, поэтому немедленно переселилась в Германию, горя желанием с ним познакомиться. Ханфштенгль якобы эту идею не поддержал и не стал ей в этом помогать, но она сама начала буквально «охотиться за фюрером». 9 февраля 1935 г. она добилась своего и познакомилась с Гитлером, а 11 марта представила ему сестру Диану. В результате Юнити и Диана оказались в самом близком окружении фюрера. «Сестры были вхожи в мюнхенскую квартиру Гитлера на Принцрегентенплац, составляли его эскорт при посещении ресторанов, по его личному приглашению ездили на партийные съезды и вагнеровский музыкальный фестиваль в Байройте. Он часто приглашал Юнити в свой загородный дом Оберзальцберг в баварских Альпах, однако она никогда не оставалась там на ночь. Диане была несвойственна экзальтация вообще и в отношении Гитлера в частности. Она импонировала ему другим: своим острым умом, осведомленностью в политике, трезвыми суждениями. В отличие от Юнити, Диана не афишировала свои связи с нацистами и потому сохранила свое положение в лондонском обществе, что было для Гитлера очень важно: он верил, что английские аристократы-германофилы не допустят войны между Англией и Германией. Диана, возможно, была единственным на свете человеком, одинаково близко знавшим и Гитлера, и Черчилля. Она часто проводила наедине с фюрером долгие вечера в его квартире в здании Имперской канцелярии – после напряженного дня он не мог уснуть и вел с ней долгие беседы у камина об Англии и Черчилле. В свою очередь, Черчилль интересовался ее мнением о Гитлере, но когда она предложила устроить им встречу, отказался» [2].

Юнити и Диана Мидфорд среди эсэсовцев. 1935 г.

Отношения Гитлера с внучатыми племянницами Черчилля были столь близкими, что регистрация брака Дианы и О. Мосли произошла в Берлине в доме Геббельса, а единственными гостями на свадьбе были Гитлер и Геббельс. 2 августа 1939 г. сестры обедали с Гитлером, и он сказал им, что война неизбежна (совершенно очевидно, имея в виду нападение на Польшу. — А. О.). Диана вернулась в Англию, а Юнити, вопреки призывам британского консульства, не сделала этого и 3 сентября, узнав об объявлении войны, выстрелила себе в висок из пистолета. Ее спасли, лечили в лучшей клинике, Гитлер много раз навещал Юнити и подолгу сидел возле нее. Затем через Швейцарию ее отправили в Англию, где она долго болела и умерла в 1948 г.

Говоря о видных англичанах, встречавшихся с Гитлером, нельзя не сказать и о его общении с четой герцогов Виндзорских, посетивших Германию вскоре после того, как король Вели-

кобритании Эдуард VIII отрекся от престола и женился на американке Уоллис Симпсон, при этом они получили титулы герцога и герцогини. Во время своего кратковременного правления (январь – декабрь 1936 г.) Эдуард VIII симпатизировал Гитлеру, выступал против вмешательства во внутренние дела Германии и поддерживал Муссолини в агрессии против Эфиопии. Что же касается Уоллис, то в правительственных британских кругах было подозрение, что она агент Германии. Ходили разговоры о том, что Гитлер даже обсуждал возможность возвращения Эдуарда на английский престол в случае победы в войне и якобы имел с ним переписку в годы войны.

Герцог и герцогиня Виндзорские на приеме у Гитлера в Бергхофе

Возможно, поводом для этого послужила известная в те годы неприязнь Эдуарда к Черчиллю. В любом случае приведенные выше факты близкого общения Гитлера с представителями англосаксонского истеблишмента показывают, что мое предположение об англосаксонской «версальской мине», заложенной с целью привести Германию к войне против СССР и в итоге приведшей ко Второй мировой войне, не лишено оснований. Эта цепочка «неофициальных» общений с Гитлером, преимущественно английских, ясно показывает: Гитлер постоянно находился в контакте с высшими кругами Англии, разъяснял свои действия, получал советы, можно предположить, что порой и запреты (естественно, неофициальные, и в первую очередь – экономические, например, на что можно тратить получаемые им колоссальные кредиты и на что ни в коем случае нельзя). Но поскольку Англия и другие страны Европы и Америки являлись демократическими по форме, то, для того чтобы получать поддержку своих парламентов, им необходимо было доказать, что Германия стала вполне приличной европейской страной, ну, разве что с некоторыми особенностями, называемыми «новым порядком».

Для этого очень пригодились две Олимпиады, пришедшиеся на 1936 г.

Олимпиады 1936 г. легитимизируют власть нацистов

Еще в 1931 г. Международный олимпийский комитет избрал Берлин местом проведения XI летних Олимпийских игр 1936 г. Этим жестом мировое сообщество как бы вновь принимало Веймарскую республику в свои ряды после изоляции, последовавшей за поражением Германии в Первой мировой войне и жесткими решениями Версальской конференции. Ведь Германия уже выигрывала право на проведение Олимпиады в 1916 г., но тогда помешала Первая мировая война, и игры были отменены. Предоставление Германии права провести у себя Олимпийские игры 1936 г. рассматривалось как компенсация. Однако в 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты во главе с Гитлером. Молодая и потому слабая демократия Германии была уничтожена и заменена жесткой диктатурой, были введены расовые законы, к политическим преследованиям добавились расовые, основанные на «арийском» превосходстве. Все это в корне противоречило олимпийским принципам. Однако те, кто заложил «версальскую мину», уже осуществляли финансирование германской промышленности, поэтому им надо было показать всему миру, что благодаря Гитлеру и NSDAP Германия не просто вышла из кризиса, но достигла значительного прогресса, а также представить мировой общественности размах ее экономических преобразований, приятный фасад, порядок, организованность – все, что так привлекательно для бизнеса. Тайной целью этой демонстрации было подхлестнуть дальнейшую милитаризацию страны. Поскольку в те годы преимущественное право проведения зимней Олимпиады имела страна, проводящая летнюю, то Германии было предложено провести и зимнюю тоже. Она проходила в Гармиш-Партенкирхене 6 – 16 февраля 1936 г. Гитлеровские власти на время проведения Олимпиад сделали все, чтобы скрыть следы своей преступной расистской политики, особенно тщательно в этом плане была подготовлена гораздо более многочисленная и по числу спортсменов, и по числу зрителей летняя Олимпиада. Временно исчезли антиеврейские надписи и знаки, смягчился расистский тон прессы. Благодаря таким стараниям зарубежным зрителям и журналистам предстал образ мирной и процветающей при «новом порядке» Германии.

Однако буквально через три недели после окончания зимней Олимпиады, 7 марта 1936 г., три батальона немецких солдат численностью меньше 4 тысяч человек возвратили демилитаризованную Рейнскую область в состав рейха. Это было первое территориальное нарушение Германией пункта Версальского договора, согласно которому Англия и Франция имели право в случае ввода немецких войск в демилитаризованную зону оккупировать Германию, но они не сделали этого. Скорее всего, потому, что это был сигнал Гитлера крупному мировому капиталу о готовности Германии действовать в его интересах: «Готов к боевым действиям! Вы только увеличивайте нам инвестиции». Но это был сигнал лишь для посвященных.

Прогрессивные круги мировой общественности восприняли захват Рейнской области совсем иначе. Во многих демократических странах Запада началось движение за бойкотирование летней берлинской Олимпиады. Появилась идея провести контрололимпиаду в Барселоне, и туда отправились тысячи спортсменов. Но игры там пришлось отменить из-за вспыхнувшей именно в это время (июль 1936 г.) гражданской войны в Испании. Не будет лишним напомнить, что в этой войне Германия поддержала именно франкистских мятежников, которые, сорвав олимпиаду в Барселоне, содействовали успешному проведению ее в Берлине. (Я никогда не верил в случайные совпадения!) Руководство Третьего рейха сделало все, чтобы XI летняя Олимпиада (с 1 по 16 августа 1936 г.) была блестяще организована и ярко отрекламирована. Немецкая команда не только завоевала самое большое количество медалей, но и получила от нацистских идеологов объяснение своей победы – она якобы показала, что высшая немецкая цивилизация по праву стала преемницей «арийской» культуры классической античности.

Мировая пресса, захлебываясь, писала о «немецком чуде». «Нью-Йорк Таймс», например, заявила, что Игры «вернули Германию в лоно наций» и даже сделали ее «опять более человечной». Талантливая Лени Рифеншталь сняла о берлинских Олимпийских играх эффектный документальный фильм, получивший массу международных наград, в том числе престижные золотые медали на Всемирной выставке в Париже в 1937 г., на Венецианском кинофестивале в 1938 г. и специальную золотую медаль Олимпийского комитета в 1938 г.

Эмблема берлинской Олимпиады 1936 г.

Война в Испании показала – Гитлер готов воевать

Гражданская война в Испании началась с мятежа испанской армии, находящейся в Марокко, против республиканского правительства 17 июля 1936 г., за две недели до начала летней Олимпиады в Берлине. С первых же дней мятежники получили поддержку Германии и Италии в виде поставок оружия и боеприпасов. Это помогло франкистам уже в августе 1936 г. захватить город Бадахос и установить сухопутную связь между своими северной и южной армиями. После подписания 25 октября 1936 г. Германией и Италией Берлинского соглашения о военно-политическом союзе «Ось Берлин – Рим» в конце октября этого же года в Испанию прибыли германский авиационный легион «Кондор» и итальянский моторизованный корпус. Советский Союз, поддержав республиканское правительство, отправил в Испанию значительные партии вооружения и боевой техники, в том числе танки и самолеты, а также военных советников и добровольцев. Однако следует признать, что масштабы помощи Германии и Италии франкистам во время гражданской войны в Испании существенно превышали советскую помощь республиканцам. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Военная помощь, оказанная Германией, Италией и СССР во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.

	СССР	Германия	Италия
Орудий	1186	700	456
Танков и броневиков	410	200	950
Самолетов	647	600	763
Живой силы	5000	6000	72 000

Фактически в этот период Испания превратилась в международный полигон, на котором Германия, Италия и СССР в боевых условиях испытывали свою новейшую технику.

«Из Германии и Италии поступило заказанное ранее иностранное вооружение. Кроме пулеметов, полевых, противотанковых и зенитных пушек, прибыли новинки танкостроения – только что сконструированные в Аугсбурге и Турине машины противоснарядного бронирования. Это было семейство танков нового поколения: 20-тонные германские “Т-III” и итальянские 11-тонные “М-39” и 24-тонные “П-40”. Все они явились реакцией на рост могущества противотанкового оружия и на сражавшиеся в Испании советские легкие танки. “М-11” и “П-40” уже мало чем напоминали компактного и проворного, но слабо вооруженного и тонкобронного предшественника – “Фиата-Ансальдо”. Новые итальянские машины выдерживали попадания 20-миллиметровых снарядов и несли по пять расположенных тремя ярусами огневых точек вместо двух, в том числе 47-миллиметровые пушки. “Т-III” в свою очередь был неизмеримо сильнее и совершеннее уже снятого с производства “Т-I”. Он имел автоматическое 37-миллиметровое орудие, три пулемета, хорошую оптику, радиостанцию и обладал плавностью хода. Его 30-миллиметровая броня была не толще, чем у “П-40”, но качественно лучше. Будучи не тяжелее итальянского коллеги, “Т-III” далеко превосходил его в подвижности, живучести и надежности механизмов. Советские “Т-26” и “БТ-5” заметно уступали ему в бронезащите, в оптических приборах и в удобстве управления. Ему суждено было в дальнейшем стать “рабочей лошадкой” немецких танковых сил – “панцерваффе” и отличиться не только на полях Европы, но даже в пустынях Африки. Бомбардировочный парк “легионариев” (летчиков легиона «Кондор». – А. О.) пополнился подвижными и лучше защищенными двухмоторными “Юнкерсами-86”, “Дорнье-17” и “Фиатами-20”. Они были на уровне советских “СБ”, как “Ю-86”, или же превосходили их в дальности полета и в живучести, как “Дорнье”.

К 1939 году в испанском небе прибавилось машин принципиально новой конструкции, одномоторных двухместных пикирующих бомбардировщиков – германских “Юнкерсов-87” и итальянских “Бреда-65”, которые ранее в единичных экземплярах, начиная с фронтов Астурии и Леванта, с успехом поражали небольшие цели на поле боя.

Старые и легко воспламеняющиеся бипланы “Хе-51” немцы из истребителей превратили в штурмовики и легкие бомбардировщики. Итальянцы убрали с передовой хрупкие многоцелевые бипланы “Ромео-37”, оставив за ними функции разведки и связи.

Место уходящих со сцены деревянно-полотняных бипланов занимали цельнометаллические монопланы. В “Легионе Кондора” почетное место занял будущий “король воздуха” – легкий универсальный истребитель “Ме-109”, впервые появившийся в Испании над Бискайей и Брунете, где из-за конструктивных недоделок, неопытности пилотов и слабого оснащения часто терпел поражения. Теперь он получил пушечное вооружение и улучшенный мотор, а его механизмы стали надежнее.

Его соперником среди “легионеров” стал к 1939 году однотипный с “Мессершмиттом” новый и очень неплохой итальянский истребитель – моноплан “Фиат-50”. Оба они по большинству показателей, кроме маневренности, превосходили «Чатос» (так испанцы называли советский истребитель-биплан И-15, – А. О.) и «Москас» (так они называли первый советский истребитель-моноплан И-16. – А. О.). Наконец, осенью 1938 года Третий рейх прислал в Испанию несколько опытных, не завершивших испытаний образцов новейших самолетов. Среди них были скоростные истребители “Хейнкель-70” и “Хейнкель-112”, многоцелевые машины “Юнкерс-88”. Последние проектировались в качестве бомбардировщиков и дальних разведчиков, но в Испании смогли выполнять еще и функции истребителей сопровождения».

Я позволил себе привести столь длинную цитату из капитального труда историка Ю. А. Данилова «Гражданская война в Испании. 1936–1939», поскольку в ней в очень сжатом виде дана исчерпывающая информация о вооружении противоборствующих сторон этой войны.

Нельзя не упомянуть и о том, что в 1936–1939 гг. боевой опыт в Испании получили 405 летчиков-истребителей люфтваффе, которые стали его ударной силой в первые годы Второй мировой войны (с советской стороны там сражались 772 летчика, 36 из них стали Героями Советского Союза). Во время испанской кампании немцы также испытали и усовершенствовали свою 88-миллиметровую тяжелую зенитную артиллерию, которую они использовали для уничтожения танков, укреплений и самолетов.

Аншлюс Австрии и захват Клайпеды

Участие Германии в гражданской войне в Испании показало, что ее военная мощь достигла такого уровня, который позволяет ей начать действия по возвращению территорий, отнятых у нее по Версальскому договору, а также по «оказанию помощи» немцам, компактно проживающим в других странах. Проводившаяся западными странами политика невмешательства в отношении Испании постепенно превратилась в попустительство политике Гитлера и Муссолини в Центральной Европе. Уступки диктаторам преподносились миру как вынужденные меры, направленные на предотвращение новой войны. Так, еще до начала войны в Испании, 13 января 1935 г., был проведен «демократический» плебисцит в Саарской области, в ходе которого 81 % ее жителей высказались за ее присоединение к Германии, и 1 марта присоединение состоялось.

16 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность.

7 марта 1936 г. Германия возвратила себе демилитаризованную Рейнскую область, введя туда войска (хотя это была не военная операция, а скорее военная демонстрация).

А вот попытка фашистского переворота в Австрии в 1934 г. сорвалась, несмотря на гибель канцлера Дольфуса. В ноябре 1937 г. Германию посетил как частное лицо лорд Галифакс – один из лидеров консервативной партии и доверенное лицо премьер-министра Чемберлена.

19 ноября 1937 г. состоялась его встреча с Гитлером. Галифакс заявил, что в Англии признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии и в том, что он преградил путь большевизму в Западную Европу, поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада. Он также заявил, что, вероятно, рано или поздно произойдут некоторые изменения европейского порядка. Это касается Данцига, Австрии и Чехословакии. Англия заинтересована лишь в том, чтобы предполагаемые изменения были произведены мирным, эволюционным путем и чтобы при этом можно было избежать методов, которые могут вызвать дальнейшие потрясения. Он сказал, что у Англии и Германии общая цель – установление и укрепление мира в Европе. Гитлер ответил, что тот, кто прошел солдатом мировую войну, больше войны не хочет. Он сказал также, что в Англии и во всех других странах господствуют одинаковые стремления, в случае общего конфликта выиграть может лишь одна страна – Советская Россия, все другие в глубине души стоят за укрепление мира. Фактически получив во время этой встречи согласие на присоединение Австрии, Гитлер развернул соответствующую кампанию. 2 февраля 1938 г. Австрии было навязано соглашение, означавшее начало конца ее независимости. Французское правительство предложило Чемберлену выступить с совместным демаршем в Берлине. В Лондоне же между премьером и министром иностранных дел Иденом проявились жесткие разногласия по австрийской проблеме, и Иден был вынужден уйти в отставку. Его заменил лорд Галифакс. 13 марта 1938 г. немецкие войска вступили в Австрию. 10 апреля 1938 г. одновременно в Австрии и Германии был проведен плебисцит, на котором 99 % проголосовало за аншлюс.

Лорд Галифакс на прогулке с Герингом

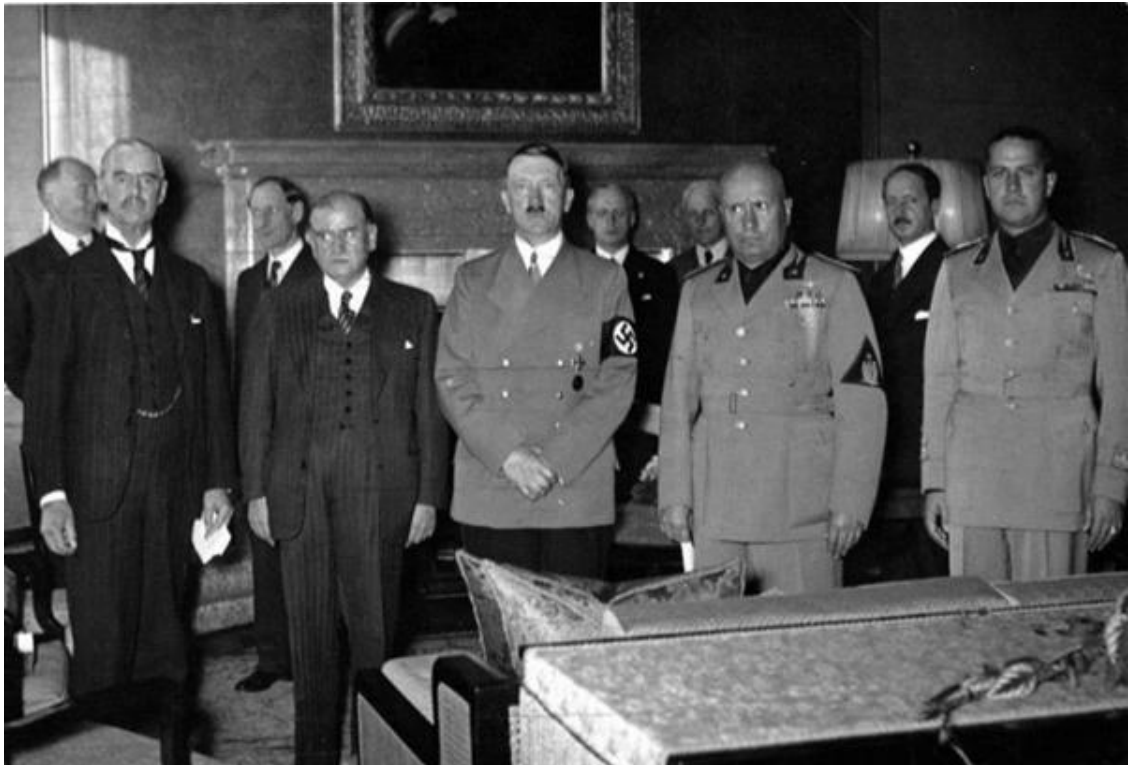
Эти события открыли путь к Мюнхену и обозначили переход Версальской системы из кризисной фазы к ее полному распаду.

19 марта 1939 г. Германия предъявила Литве ультиматум о возвращении ей Мемеля (Клайпеды), и 23 марта в город вошли немецкие пехотные и танковые части вермахта, а прибывшая на мемельский рейд немецкая эскадра высадила десант морской пехоты.

Мюнхенские «миротворцы»

В 1938 г. население Чехословакии составляло 14 млн человек, из которых 3,5 млн были этническими немцами, компактно проживающими в Судетской области, а также в Словакии и Закарпатской Украине. Причем эти области никогда не входили в состав Германии, так как являлись частью Австро-Венгрии. Аншлюс Австрии дал Гитлеру повод поднять вопрос и о чешских немцах. Целью же его устремлений скорее была промышленность Чехословакии, в том числе и военная – одна из самых развитых в Европе. Она входила в число ведущих мировых экспортеров оружия, ее армия была отлично вооружена. Немецкие сепаратисты и нацисты Чехословакии во главе с Генлейном постоянно поднимали вопрос о притеснениях чехами этнических немцев. 22 мая 1938-го они сделали попытку превратить муниципальные выборы в плебисцит о присоединении Судетской области к Германии. Части вермахта выдвинулись к границе, однако и чехословацкие войска вошли в Судеты. Франция и СССР заявили о поддержке Чехословакии. Попытка отторжения Судетской области не удалась. Начались переговоры. Однако в начале сентября генлейновцы спровоцировали в Судетах беспорядки, и правительство Чехословакии вновь ввело в населенные немцами районы войска, объявив там военное положение. Генлейн сбежал в Германию. 22 сентября Гитлер выдвигает ультиматум: не препятствовать Германии в оккупации Судет. В ответ Чехословакия и Франция объявляют мобилизацию. 27 сентября Гитлер направляет Чемберлену письмо, в котором сообщает, что он не хочет войны, готов дать гарантию безопасности оставшейся части Чехословакии и обсудить детали договора с Прагой. 29 сентября в Мюнхене по инициативе Гитлера происходит его встреча с главами правительств Великобритании, Франции и Италии. Чехословацкие представители не были допущены к консультациям в ходе этого совещания. Отказали в участии и представителям СССР. 30 сентября 1938 г. Мюнхенские соглашения были подписаны Гитлером, Чемберленом, Даладье и Муссолини.

Германские войска заняли Судетскую область в течение десяти дней (в марте 1939 г. Германия оккупирует оставшуюся часть территории Чехословакии, включив ее в состав рейха под названием «протекторат Богемия и Моравия»).

После подписания Мюнхенских соглашений

В тот же день, 30 сентября 1938 г., в Мюнхене была подписана англо-германская декларация: стороны заявляли, что отныне они никогда не будут воевать друг с другом. Именно листком с текстом этого коммюнике размахивал в Лондонском аэропорту Чемберлен, говоря: «Я привез вам мир!»

«Я привез вам мир!»

Суть Мюнхенских соглашений: Великобритания, не препятствуя германской экспансии на восток, направила Германию на активные военные действия против СССР и дала ей возможность до начала этих действий нарастить свой военно-промышленный потенциал за счет чехословацкой военной промышленности (известно, что Чехословакия в 1939–1941 гг. выпустила оружия столько же, сколько промышленность Англии). При этом западное общество позиционировало четырех лидеров, подписавших Мюнхенские соглашения, как героев-миротворцев: Гитлер, например, стал «человеком года» в 1938 г. и даже выдвигался на Нобелевскую премию мира в 1939 г.³ Документальное подтверждение того, что участников мюнхенского совещания оценивали тогда как миротворцев, – бронзовая медаль, отчеканенная в честь этого «великого события». На ней слева направо профили Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, причем из-за спины Гитлера (!) вылетает голубь мира с пальмовой ветвью в клюве. (Почти на 10 лет художники Третьего рейха опередили Пабло Пикассо, сделавшего голубя с пальмовой ветвью символом борьбы за мир.)

³ Известно, что выдвигали его американская писательница Гертруда Стайн и депутат шведского парламента Эрик Брандт.

Польша – последний этап на пути ко Второй мировой войне

Есть один вопрос, на который никогда не давалось однозначного ответа: почему Запад, в первую очередь Великобритания, довольно спокойно отнесся к захвату Гитлером не только бывших германских территорий, но даже никогда не входивших в ее состав Австрии и Чехии, вдруг настолько возмутился его попыткой силой вернуть принадлежавшую раньше Германии Западную Польшу, что 3 сентября 1939 г. объявил Германии войну? Это вдвойне непонятно, ибо раздел Польши по пакту Молотова – Риббентропа наконец-то выводил к барьеру наметенных Западом главных действующих лиц Второй мировой войны – Германию и СССР. В чем, собственно, и состояла тайная стратегическая цель «версальской мины». Ведь вступление в войну Англии и Франции (которого Гитлер никак не ожидал) могло заставить его пойти на попятную и отказаться от захвата Польши. Удивителен и тот факт, что войну Германии объявили те же самые лидеры Чемберлен и Даладье, которые несколько лет вели политику умиротворения агрессора и невмешательства. Что же заставило их так резко поменять курс? Объяснений несколько: возмущение мировой общественности действиями набирающего силу фашистского агрессора в Европе; возмущение преследованиями евреев в Третьем рейхе; реальная угроза реванша со стороны Германии за ее проигрыш в Первой мировой войне; угроза прихода к власти новых политических сил, которые найдут поддержку в массах на волне борьбы с фашизмом: в Англии – Черчилля, во Франции – Народного фронта, в котором важную роль будет играть компартия, направляемая СССР; выполнение данных Польше обязательств, тем более что Польша оказалась первой страной Европы, оказавшей вооруженное сопротивление немецким войскам.

Соглашаясь с тем, что все перечисленные причины имели место, считаю, что самая главная заключалась в следующем. Мировые промышленно-финансовые силы, заложившие «версальскую мину», стали опасаться, что попустительство Гитлеру и в польском вопросе сможет навести мировое сообщество на понимание их долгосрочной политики подготовки Германии для смертельной схватки с СССР, и поспешили объявить ей войну.

Итак, скорее всего, Вторая мировая война была запланирована решениями Парижской «мирной» конференции в 1919–1920 гг. Ее главным идеологом была Великобритания, задачей которой после Первой мировой войны было не обеспечение мира во всем мире, а сохранение и расширение Британской империи. Для выполнения этой задачи ей необходимо было восстановить и нарастить военный потенциал Германии и направить ее на войну с Советской Россией, чтобы избавиться таким образом от большевистской заразы, а заодно и ослабить (что неизбежно для воюющего государства) силы и аппетиты Германии, чтобы в дальнейшем она уже не помышляла о противостоянии Британской империи нигде и никогда. Осуществление этого плана и должен был обеспечить Версальский договор под видом ликвидации угрозы новой мировой войны. Поэтому причины и реалии начала Второй мировой войны, в том числе и нашей Великой Отечественной (по западной терминологии – советско-германской, по немецкой – войны на Восточном фронте), также следует рассматривать, принимая во внимание эту «версальскую мину» замедленного действия.

Подсказка Золотова вождю

Работая над новой гипотезой о начале Великой Отечественной войны, я, естественно, задавал себе вопрос: откуда в голове Сталина мог появиться такой план – осуществить Великую транспортную операцию как первый этап совместной с Германией антибританской кампании. Сработало его имперское мышление, или его подтолкнули к этому? Или это сделала неумолимая геополитика, у которой (как и у нелюбимой им Англии) нет ни друзей, ни врагов – только интересы? Кто предложил этот план – он или Гитлер?

И вот в ждановском архиве РГАСПИ в деле № 895, на обложке которого написано: «Письма отдельных граждан А. А. Жданову по вопросам международной политики, пропаганды и др., подлинник, 1939 г. – 11 сентября 1947 г.», мне попался интересный документ.

Начинается он с указания (сделанного, видимо, помощником Жданова) темы письма некоего Золотова и резолюции самого Жданова. Дата не указана.

«Золотов В. П. Ж-39

Автор, полагая, что главный враг СССР Англия, а не Германия, предлагает исходить в нашей внешней политике из задачи развязать войну Германии с Англией. Кроме того, предлагает активизировать нашу внешнюю политику на Балканах, вернув СССР роль России как организующего центра славянства.

Резолюция Жданова: Чудову п/п Жданов
А. К.»
(РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 1)

Я понял, что это краткое изложение письма некоего Золотова, сделанное помощником Жданова. Дата не указана. И далее следует изложение самого письма.

«Члену Политбюро ЦК, наркому иностранных дел,
т. Молотову В. М.
Копия секретарю ЦК, т. Жданову А. А.

Краткая записка
о некоторых вопросах нашей внешней политики

Внешняя политика Советского Союза, проводящаяся НКВД, страдает двумя большими пороками, грозящими при неустранении их изоляцией нашей страны от европейских и ближневосточных дел. Пороки эти:

- 1) Неправильный учет сил, значения и фактической роли в международной политике Великобритании, Франции и Германии.
- 2) Нежелание или неумение использовать в наших интересах симпатии и многовековую привязанность славянского населения Балканского полуострова и Средней Европы к славянам Советского Союза».

Далее я кратко излагаю содержание письма цитатами из него.

Автор письма пишет, что наши и зарубежные журналисты «начали третировать Англию как страну, потерявшую всякое значение». Великобритания представляется как «больной человек».

После Версаля «Германия стояла на коленях, Великобритания была занята приведением в порядок своего расстроенного войной хозяйства, а Франция, избавившись от германской опасности... шумно и уверенно претендовала на верховенство на нашем континенте».

«Возрождение империалистической Германии создало невероятную путаницу в умах всех людей, привыкших или к единообразной послевоенной жизни, или к прямолинейному мышлению... Заговорили, что де англо-американские противоречия... спорадичны... и... война между Англией и Америкой... неизбежна. Возвышение Германии и разгром ею европейской гегемонии Франции обнаружили истинную роль Великобритании как величайшей державы Европы, обладающей крепчайшими мировыми связями и самым умным буржуазным классом. Энергичная агрессия германского империализма заставила сейчас, в целях самосохранения, объединиться против Германии так называемые демократические страны и пригласить в это объединение Советский Союз. Договариваясь сейчас в общих с Англией, Францией и др. действиях против Германии, мы должны всегда четко и ясно себе представлять, что нашим основным и главным врагом в Европе и во всем мире является не Германия, а Англия. <...> Резкое различие в идеологии государств вовсе не представляет такого же резкого антагонизма их политических и экономических интересов. Интервенция, гражданская война на советской земле была организована Англией, на ее деньги и средства, хотя почти без участия ее солдат. Знаменитое “стремление на Восток” германского фашизма если не создано, то подогревалось Англией, заинтересованной как в нашей гибели, так и в ослаблении Германии. Сегодняшнее миролюбие Англии и приглашение Советского Союза к совместным действиям против Германии объясняется вовсе не общностью наших демократических интересов, а неопределенностью для Англии направления германской экспансии. Вместо того чтобы по английской указке устремиться на восток, германская армия вдруг бросилась на области центральной, юго-западной и прибалтийской Европы. Перед Англией выросла задача, создав преграды дальнейшему расширению германской агрессии в буржуазную Европу, приостановить там это движение, во что бы то ни стало повернуть германскую армию на восток, против Советского Союза. <...> Конечной целью, преследуемой Англией в этой игре, является советско-германская война. <...> Поскольку наш главный враг – Англия, нам нужно иметь тщательно разработанный план борьбы с ней...

Англию надо бить, но бить английским методом, то есть чужими руками. Англия не только наш враг, но и старинный враг Германии. Мировая война была, по сути, схваткой Англии с Германией. <...> Нам необходимо, отучив Германию от мысли о нападении на Советский Союз, сделать развивающееся сейчас на наших глазах “стремление на запад” единственным путем германской экспансии. Германская фашистская буржуазия трезво учитывает, что война против Советского Союза, обладающего сильнейшей армией мира и неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами, может закончиться для Германии крахом... Крестовый поход против Советов буржуазному миру, раздираемому противоречиями, теперь не организовать. Нам нужно, играя на этих противоречиях, ослаблять силы буржуазных государств.

Втравливание Германии в войну против Франции в этом отношении открывает широкие возможности. Для этого надо:

1) всемерным укреплением нашей военной мощи и наших западных границ, демонстрацией непобедимости нашего оружия в каком-нибудь очередном дальневосточном пограничном конфликте лишить в глазах германского командования реальной ценности все германские планы войны с Советским Союзом.

<...>

4) На случай войны Германии с Францией и Англией обещать Германии соблюдение нами нейтралитета, обеспечить охрану ее тыла, а концентрацией Красной Армии на западной границе парализовать возможность Польши выступить на стороне Англии.

В результате войны Германии и ее союзников с Англией-Францией силы этих держав будут неимоверно истощены, Европа и мир будут охвачены разлившимся морем пролетарских и национальных восстаний, и тогда-то Советский Союз бросит на весы истории меч Красной Армии.

II. О славянском вопросе».

Далее автор письма излагает серьезные политические возможности, которые может дать СССР обращение к славянам Европы.

«Каких-нибудь 5–6 лет назад слова “русский”, “славянин” были синонимами слов “великодержавность” и “великодержавный шовинизм”. Шпионы, враги народа, национальные шовинисты... старались разжечь потухшую уже ненависть многих бывших “инородцев” царской империи ко всему русскому и славянскому... Русский народ, давший миру тысячи выдающихся людей, пронесший через 200-летнее татарское господство, польское вторжение, наполеоновское нашествие, через позор Севастополя и Цусимы свою страстную веру в хорошую жизнь... свершивший величайшую в истории человечества революцию и создавший государство трудящихся, является, по существу, самым передовым народом на земном шаре. Сегодня наше участие в балканских делах крайне ничтожно, а ведь наше отсутствие на Балканах лишает нас возможности влиять на ближневосточные государства, т. к. Балканы – это ворота на Ближний Восток. <...> Возможно, мое представление о наших международных делах несколько и ошибочно, но тогда эта возможная ошибочность оправдывается отсутствием у меня необходимой информации и материалов. Но все же, пользуясь правом, предоставленным мне уставом Партии, я счел своим долгом сообщить свои соображения руководителям Партии и Правительства.

п/п Золотов. Золотов Василий Григорьевич, член ВКП(б) с 1928 г., п/б №... [Указан московский адрес]. т. К-2-45-57» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 2 – 15).

Приблизительно установить дату написания этого письма можно по следующим цитатам из него:

«Вместо того чтобы по английской указке устремиться на восток, германская армия вдруг бросилась на области центральной, юго-западной и прибалтийской Европы» – то есть Германия уже захватила Мемель (Клайпеду). Других приобретений в Прибалтике до начала Второй мировой войны у Германии не было. А немецкие войска вступили в Мемель 23 марта 1939 г.

«Договариваясь сейчас в общих с Англией, Францией и др. действиях против Германии...» – из этого можно сделать вывод, что в момент написания письма шли переговоры между СССР, Англией и Францией. Известно, что такие переговоры проходили в Москве с 15 июня по 2 августа 1939 г., а затем с 12 по 22 августа 1939 г. Но можно считать, что контакты с Англией и Францией начались с 17 апреля 1939 г., когда советское правительство выступило с предложением о заключении между СССР, Англией, Францией договора «о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такие же обязательства в аналогичном случае три державы брали бы на себя и в отношении государств, «расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР». Так что можно предположить, что письмо Золотова быть написано в период с 17 апреля по 21 августа 1939 г.

Теперь несколько слов об авторстве этого письма.

Человек, написавший его, – член партии, хорошо информированный, имеющий неплохое образование – высшее или, по крайней мере, гимназическое. Об этом свидетельствуют слог письма, знание автором истории (в том числе истории Рима) и экономики. Так, его фраза о мече Красной Армии, который должен быть брошен на весы истории, заимствована из истории Рима – это сделал при взвешивании золота контрибуции проигравшего Рима вождь галлов Бреннус, произнеся крылатую фразу: «Vae victis!» (Горе побежденным!). Золотов прекрасно разбирается в международных делах, дает очень профессиональный анализ британской политики.

Удивляют некоторые факты. Например, совершенно не свойственная столь умному человеку в те годы смелость суждений – он открыто критикует работу НКВД, что, кстати, смещает дату написания этого письма на апрель, так как фактически Золотов критикует наркома Литвинова (а он был снят с этой должности 3 мая 1939 г.) и проводимую им политику создания европейской коллективной безопасности против германской агрессии. Значит, наиболее вероятный срок написания письма – с 17 по 30 апреля.

Далее, Золотов указывает свой домашний адрес и телефон. А ведь большинство писем с советами правительству в те годы были анонимными. Это наводит на мысль, что золотовское письмо могло быть инспирировано самим Сталиным для ознакомления с ним членов Политбюро и руководства НКВД как с «голосом народа», требующим изменения политики в отношении Германии и Англии.

Тогда оно и могло стать поводом для снятия Литвинова и назначения Молотова, который своей линией по вопросам внешней политики не имел и всегда проводил сталинскую. Причины же этой замены были гораздо серьезнее. Намечался очень крутой поворот – к дружбе с Гитлером – и надо было готовиться к объяснениям и даже к возражениям со стороны твердокаменных большевиков, Коминтерна и зарубежных компартий, ссылаясь и на «голос народа» (самое интересное, что, похоже, такие возражения последовали и от Молотова, но об этом ниже).

Возможно, письмо было написано Ждановым, потому что эта тема неоднократно прослеживается в его предвоенной идеологической работе. На эту мысль наводит то ли конспект какого-то неизвестного сталинского выступления, то ли заметки во время беседы со Сталиным, то ли собственные тезисы Жданова, которые нашли в его архиве и приводили в своих книгах А. Некрич и Л. Безыменский:

«Тигры и их хозяева»⁴.

Хозяева тигров нацелили на Восток.

Сифилизованная Европа.

Повернуть клетку в сторону англичан.

Не верьте унижениям.

Англия – профессиональный враг мира и коллективной безопасности.

“Дранг нах Остен” – английская выдумка...

Повернуть тигров в сторону Англии...

Сговориться с Германией» [5. С. 276–277].

С трудом, но все же можно себе представить, что нашелся какой-то смелый и образованный человек, какие в те годы еще встречались среди большевиков-ленинцев. Только вот как

⁴ Я обнаружил довольно любопытную фразу У. Черчилля: «Диктаторы ездят верхом на тиграх, боясь с них слезть. А тигры между тем начинают испытывать голод». Вполне возможно, что тезисы сталинских высказываний по поводу тигров и их хозяев были записаны Ждановым, когда вождь рассуждал по поводу этой фразы Черчилля, произнесенной им где-то и доведенной до сведения Сталина агентами разведки или письмом советского полпреда в Лондоне Майского. Не исключено, конечно, что склонный к самоиронии Черчилль мог таким образом обозначить ситуацию в Европе, когда взрастившая тигра Гитлера английская верхушка оказалась перед фактом его агрессии, вынудившей Англию вступить в войну с ним. Сталин же прямо указывает место действия – Англия. Как не исключено и то, что с помощью этого яркого образа Черчилль охарактеризовал дружбу Сталина с Гитлером. Об этом свидетельствует слово «диктаторы», почему-то озвученное Сталиным как «хозяева».

большевик, вполне вменяемый член ВКП(б) решился вдруг предложить дружбу с фашистами (против Англии)?

Как бы там ни было, золотовский текст, заинтересовавший меня как подсказка Сталину, позволяет датировать два события – поворот Сталина к сотрудничеству с Германией (раньше такой датой считалось 3 мая 1939 г.) и рождение идеи, приведшей его к подготовке Великой транспортной операции.

Первый шаг к трагедии 22 июня 1941 года. Приезжал ли Гитлер в Москву вместе с Риббентропом?

Обнаружен полный список делегации Риббентропа

Если в прежние времена в нашей стране историческую истину скрывали с помощью цензуры – литературной, политической и самой главной – самоцензуры авторов, отлично понимавших, что можно и что нельзя, то во времена гласности ее стали скрывать обилием публикаций, наличием самых разных точек зрения и нагромождением гипотез. Все их авторы яростно борются между собой, в результате опять-таки разобраться в чем-либо трудно. Получилось, как в андерсеновской сказке «Огниво», где фрейлина, заметив дом, куда волшебная собака носила к солдату принцессу, нарисовала на его двери крестик. А умная собака наставила крестики на всех дверях, и найти нужную оказалось невозможно.

Одной из наиболее горячо обсуждаемых сегодня исторических тем является начало Великой Отечественной войны. По поводу завершения войны вопросов гораздо меньше, там все очевидно. Мы не могли не победить, потому что враг повел войну на уничтожение нашего народа, и победили. Красное знамя на рейхстаге 30 апреля 1945 г., Акт о безоговорочной капитуляции фашистской армии 8 мая и брошенные к подножию Мавзолея немецкие знамена 24 июня весьма красноречиво об этом свидетельствуют.

Но что же случилось в первый день войны – черный день 22 июня 1941 г. и в последовавшие за этим дни и недели? Вот уже 70 лет ответ на этот совершенно законный вопрос не дан. Война началась с жестокого удара по советским приграничным военным аэродромам. Самая сильная в мире Красная Армия по непонятным причинам не смогла дать отпора врагу и покатилась в глубь страны. В считанные дни мы понесли колоссальные потери в танках и артиллерии, а также потеряли половину хранившихся на складах приграничных округов боеприпасов, горючего, продовольствия (значительная часть которых была захвачена врагом). В течение десяти дней были сданы столицы трех союзных республик: Каунас – 24 июня, Минск – 28 июня, Рига – 1 июля. В плен попало неслыханное количество бойцов и командиров Красной Армии: за шесть месяцев 1941 г. – 3,8 млн человек... Кратко, очень точно и правдиво объяснил недавно то, что произошло, президент Академии военных наук генерал армии М. А. Гареев: «Накануне войны в 1941 г. подготовленность страны в целом к обороне и боеспособность вооруженных сил были значительно выше, чем их боевая готовность» [20. С. 12]. Осталось понять, в чем конкретно это проявилось и что было тому причиной.

Ведь все наши потери первых дней и месяцев войны были не «временными неудачами ее начального периода», как нам всегда объясняли, а следствием чудовищного разгрома в самый первый ее день – 22 июня. И истинная причина и обстоятельства этого разгрома тщательно скрываются до сих пор, потому что он стал результатом не боевых действий нашей армии, а проигранной предвоенной стратегии Сталина.

Давно надо было сделать то, что сделали недавно для раскрытия тайны Катыни: дать команду архивам подобрать материалы об этом дне, историкам – обобщить их и, поставив перед собой одну единственную цель, восстановить истину, чтобы затем без всяких оценок рассказать обществу о том, что же на самом деле и почему именно так произошло в первый день войны. Ведь факты порою оказываются сильнее самой мощной пропаганды. Тем более что почти каждая советская семья потеряла в ту войну кого-то из своих близких. Если мы не узнаем наконец правду о начале той страшной войны, то в будущем подобная трагедия может

произойти с нашими детьми, внуками и правнуками, ибо богатейшие ресурсы нашей страны всегда будут кому-то казаться лакомым куском.

Завершая трилогию о первом дне Великой Отечественной войны, мне необходимо было в подтверждение своей гипотезы найти яркие свидетельства, новые фото и новые архивные документы. В этом мне очень помогла работа над фильмом «Тайна 22 июня», для которого в свое время вместе с его режиссером и соавтором сценария Сергеем Головецким мы просмотрели огромный массив отечественной и зарубежной кинохроники, обнаруженной в Красногорском кинофотоархиве и архиве Госфильмофонда в Белых Столбах. Часть ее была использована при написании настоящей книги, причем не просто как иллюстрации, она помогла мне проследить действия политиков, находя их порою там, где, согласно исторической «науке», они никогда не бывали и быть не могли, но оказывается – всякое случалось.

Роль архивных документов сегодня резко возрастает, причем оказалось, что у отечественных архивов есть одно совершенно очевидное преимущество перед зарубежными. Дело в том, что в условиях авторитарного режима, когда малейшее отступление от команды сверху могло стоить человеку свободы, а то и жизни, все должностные лица запасались «бумажками», которые в конце концов накапливались в архивах.

В этой главе я хочу показать лишь один найденный мной архивный документ, который публикуется впервые. Это – список членов делегации во главе с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Впервые он прилетел в Москву 23 августа 1939 г. и тогда от имени своего правительства за 24 часа согласовал со Сталиным и Молотовым, а затем подписал с Председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым Договор о ненападении между Германией и СССР.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что именно этот, совершенно мирный договор стал одной из главных причин катастрофы 22 июня 1941 г. (обычно на него нападают за то, что якобы он ускорил начало Второй мировой войны). Я же хочу разобраться с нашими делами: для нас он отодвинул войну или нет? Облегчил неизбежное вступление в нее или усугубил? Со времен Версальского мирного договора 1919 г., завершившего Первую мировую войну, наши страны не имели общей границы, поэтому Германия не могла внезапно напасть на СССР. Так что «внезапность» немецкого нападения, на которую потом всегда ссылались советские пропагандисты, объясняя события 22 июня, обеспечил нам именно договор, подписанный Молотовым и Риббентропом. И угрозу войны он не ликвидировал – пожар мировой войны вспыхнул ровно через неделю после его подписания и, что совершенно очевидно, не мог не докатиться до нашей страны. Если добавить к этому серьезное непонимание этого договора советской молодежью, которая в те годы по целому ряду причин, в первую очередь из-за участия СССР в гражданской войне в Испании, относилась к фашистской Германии как к самому опасному и грозному противнику, полное неприятие этого договора коммунистическими и рабочими партиями мира, недоумение и страх в демократических странах, позже ставших участниками Антигитлеровской коалиции, то отрицательный результат подписанного документа для нашей страны очевиден. Сомнителен и главный козырь, который предъявляли в его защиту советские пропагандисты и, к сожалению, многие современные историки, – то, что якобы он на два года отдал нам войну и дал к ней подготовиться. Ведь Запад вел тогда «странную войну», и гитлеровская промышленность тоже получила два года, которые активно использовала для разработки и создания новой мощной военной техники.

Однако вернемся к списку членов немецкой делегации 1939 г. Я обнаружил его в Архиве внешней политики МИД РФ в фонде Секретариата наркома в двух вариантах – на немецком (Ф-06. Оп. 1. Д. 74. П. 8. Л. 36, 37) и русском (Ф-06. Оп. 1. Д. 74. П. 8. Л. 34–35) языках. На нем отсутствуют подпись составителя и дата, из чего следует, что либо к нему имелось сопроводительное письмо, оставленное в фонде наркома, либо он был передан нарочным из рук в руки. Такие случаи бывали. Например, документы передавали во время приема у замнаркома

иностраных дел СССР посол Шуленбург или советник посла Хильгер. Из-за отсутствия даты невозможно определить, о какой делегации идет речь – прилетавшей в августе или в сентябре. Либо он действовал неограниченный период времени (опубликованный ранее [61. С. 66–67] документ «Полномочия...», подписанный Гитлером, дает Риббентропу право «для подписания как пакта о ненападении, так и других соглашений, являющихся результатом этих переговоров», и не ограничивается никаким сроком).

В составе делегации 38 человек, включая Риббентропа, эта цифра уже неоднократно называлась. Изучение списка показало, что из этих 38 человек 17 – официальные лица, 8 – сопровождающие (7 охранников и один камердинер), 4 – обслуживающий персонал и 9 человек – летный состав.

Однако в советской прессе в августе 1939 г. публиковалось лишь 6 фамилий: Риббентроп, д-р Гаусс, Дернберг, П. Шмидт, Г. Гофман, д-р Шнурре. А в сентябре 1939 г. – 9: Риббентроп, Форстер, д-р Гаусс, Шнурре, Кордт, Генке, фон Галем, Шульце, Штейнбикель (из них четверо – Форстер, Кордт, фон Галем, Штейнбикель – отсутствуют в списке делегации). Таким образом, всего в газетах было названо 12 фамилий, в том числе 8 из списка членов делегации, а фамилии 9 членов делегации опубликованы не были.

Рассмотрим их всех. Полужирным шрифтом я выделил имена и фамилии членов делегации, как они указаны в варианте списка на русском языке, в квадратных скобках – мои комментарии. Указание «август» означает выявленное участие данного лица в августовском визите, «сентябрь» – в сентябрьском.

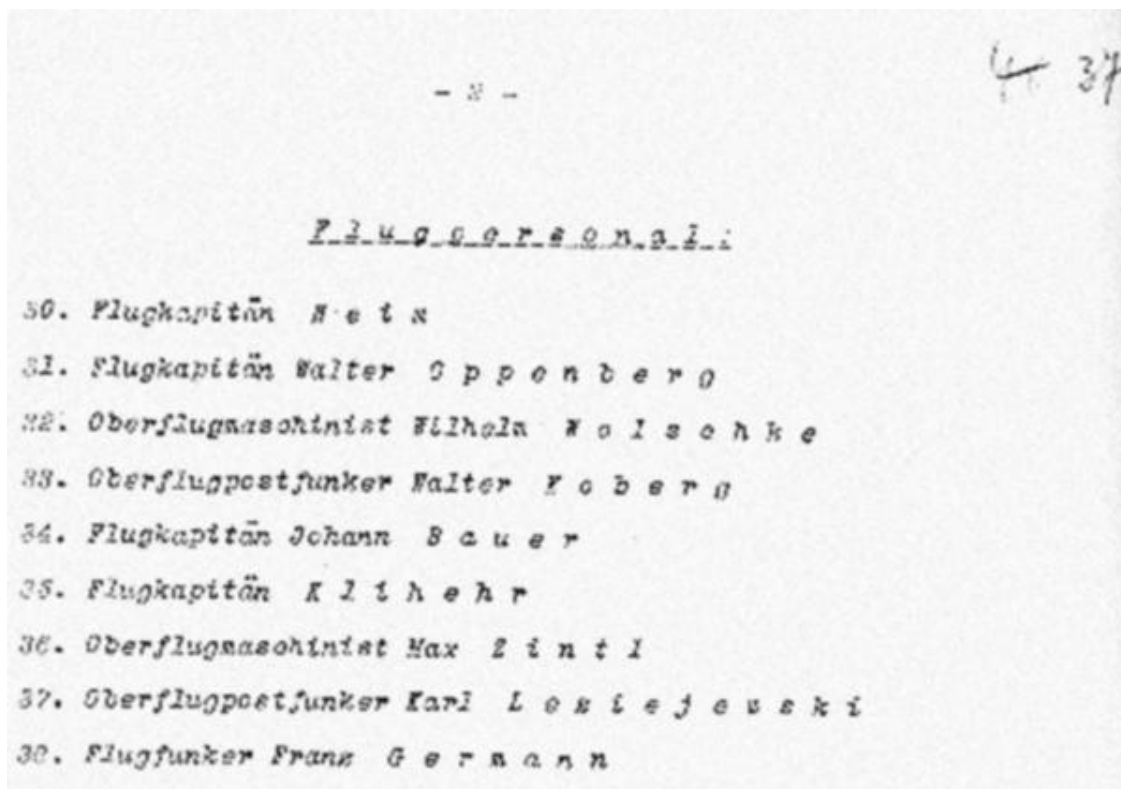
Список делегации Риббентропа

Delegation:

1. Reichsminister des Auswärtigen Joachim von Ribbentrop
2. Unterstaatssekretär Dr. Friedrich Gaus
3. Gesandter 1.Klasse Freiherr von Dörnberg
4. Gesandter 1.Klasse Paul Schmidt
5. Vortragender Legationsrat Dr. Karl Schnurre
6. Vortragender Legationsrat Hewel
7. Vortragender Legationsrat Dr. Paul Schmidt
8. Vortragender Legationsrat Andor Hencke
9. Professor Heinrich Hoffmann
10. Dr. med. Karl Brandt
11. Legationsrat Eduard Brückelmeyer
12. Legationssekretär Bernd Gottfriedsen
13. Schriftleiter Helmut Laux
14. Adjutant und Obersturmführer Max Wünsche
15. Adjutant Richard Schulze
16. Fräulein Edith Krüger
17. Sekretärin Hilde von Seef

Begleitung:

18. Kriminalrat Wipper
19. Kriminalbeamter Hans Werner
20. Kriminalbeamter Konrad Schneider
21. Kriminalbeamter Erhard Vetter
22. Kriminalbeamter Frits Siecker
23. Kriminalbeamter Frits Rahm?
24. Kriminalbeamter Kurt Kosner?
25. Diener Paul Bohnke
26. Ordonanz Friedrich Leske
27. Ordonanz Richard Sawade
28. Ordonanz Erhard Schmidt
29. Ordonanz Alfred Woitsch

1. Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп

[1893–1946; обергруппенфюрер СС, советник Адольфа Гитлера по внешней политике; август, сентябрь.]

2. Помощник статс-секретаря Фридрих Гаус

[1881–1955; начальник юридического отдела МИД, посол по особым поручениям; единственный, кроме Риббентропа, член немецкой делегации, чье фото с указанием имени было опубликовано в советской прессе; август, сентябрь]

3. Посланник 1 класса фон Дернберг

[барон Александр фон Дернберг, 1901–1983; начальник протокольного отдела МИД; август, сентябрь.]

4. Посланник 1 класса Пауль Шмидт

[Пауль Отто Шмидт, 1899–1970; личный сотрудник Гитлера – переводчик и стенографист-хронограф, глава секретариата МИД; русским языком не владел, переводил с английского и французского; нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве⁵; август.]

5. Тайный советник д-р Карл Шнурре

[1898–1990; руководитель экономического отдела МИД, глава германской экономической делегации в СССР; до начала войны отвечал за экономические связи с СССР; август, сентябрь.]

⁵ Есть кадры кинохроники, на которых полноватый человек бежит по полю на фоне взлетающего с московского аэродрома немецкого «Кондора». В своих воспоминаниях [104. С. 191] Шмидт сообщает, что он опоздал на него и поэтому улетал в Берлин на Ю-52. Так что, скорее всего, это он.

6. Тайный советник Гевель

[Отто Вальтер Хевель, 1904–1945; личный сотрудник Гитлера, постоянный представитель министра иностранных дел Риббентропа при Гитлере, бригадефюрер СС, знаменосец во время «пивного путча» 1923 г., сидел с Гитлером в одной камере в Ландсбергской тюрьме, где осуществлял корректуру текста его книги «Майн кампф». По свидетельству Шпеера, Хевель был наиболее близким человеком к Гитлеру, «персона гратиссима». Его эмоциональная привязанность была очевидна всем окружающим. «С течением времени он установил с Гитлером особые отношения, напоминавшие отношения сына к отцу...» Не обнаружено ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

7. Тайный советник Пауль Шмидт

[Пауль Карл Шмидт, 1911–1997; начальник отдела печати МИД, впоследствии писатель Пауль Карель, автор книги «Восточный фронт» и др.; нет ни одного фото или кинокадра, сделанного в Москве; август.]

8. Тайный советник Андор Генке

[1895–1984; помощник статс-секретаря МИД; был советником немецкого посольства в Москве, консулом в Киеве; входил в состав германо-советской пограничной комиссии; сентябрь.]

9. Профессор Генрих Гофман

[1885–1957; с начала 20-х годов личный фотограф и личный друг Гитлера; август.]

10. Д-р медицины Карл Брандт

[1904–1948; рейхскомиссар здравоохранения, личный врач Гитлера, так называемый сопровождающий врач фюрера; нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

11. Советник Эдуард Брюкельмейер

[Сведений не обнаружено, вероятно, это псевдоним, под которым скрывалось неизвестное лицо.]

12. Секретарь Бернд Готтфризен

[Род. в 1911; личный секретарь Риббентропа; август, сентябрь.]

13. Редактор Гельмут Раус

[Сведений не обнаружено, скорее всего, это искаженное имя личного фотографа Риббентропа Хельмута Лаукса (род. в 1911), об участии которого в делегации пишет в своих мемуарах Гофман; нет ни одного фото Лаукса, сделанного в Москве, однако есть кинокадры, сделанные в августе, где молодой человек – возможно, это он – осуществляет фотосъемку.]

Хельмут Лаукс(?) (в шляпе) ведет съемку встречи Риббентропа на аэродроме в Москве 23 августа 1939 г.

Хельмут Лаукс?. Берлин, 12 ноября 1940 г.

14. Адъютант Макс Вюнше

[1914–1995, офицер-ординарец Гитлера; в 1939 г. унтерштурмфюрер СС (лейтенант), с 1944 г. – оберштурмбанфюрер СС (подполковник); нет ни одного его фото или кинокадра, сделанного в Москве.]

Вюнише в группе ближнего круга Гитлера (в правом верхнем углу)

15. Адьютант Рихард Шульце

[1914–1987, личный сотрудник Гитлера. В 1939 унтерштурмфюрер СС (лейтенант), с 1944 – оберштурмбанфюрер СС (подполковник). На советско-германских переговорах указан как адъютант Риббентропа, после гибели на Восточном фронте брата Ганса-Георга Шульце – личного адъютанта Гитлера – заменил его и был адъютантом фюрера от СС в 1941–1944 гг. Присутствовал на встречах в Кремле и на ряде фото запечатлен возле Сталина; август, сентябрь.]

16. Г-жа Эдит Крюгер

[Сведений не обнаружено. В немецком варианте списка делегации указано: «фройлен Эдит Крюгер». Это многозначительное «фройлен» вместо должности наводит на мысль, что таким образом могли внести в список лишь одну женщину Третьего рейха – пассию фюрера Еву Браун. Девичья фамилия ее матери Кронбургер, ее вполне могли сократить до в какой-то степени созвучной – Крюгер. Следует также учесть, что с весны 1938 г. Гитлер стал выпускать Еву в зарубежные поездки, иногда приглашал ее с собой. Она побывала с ним (неофициально) в Вене, Праге, Риме, без него ездила в Венецию на кинофестиваль (скорее всего, со своей сестрой Ильзе). Обычно Еву сопровождали ее подруга Герда, а также личный врач Гитлера д-р Брандт, личный фотограф Гофман и кто-то из адъютантов. Эти люди обнаружены в списке состава делегации Риббентропа. Фотографий Евы во время пребывания в Москве нет, ниже рассмотрены обнаруженные кадры кинохроники проводов делегации, на которых удалось ее разглядеть.]

17. Секретарша Гильда фон Зеэф

[Сведений не обнаружено. Возможно, под этим именем скрывалась сестра Евы Ильзе Браун, которая незадолго до этого стала секретаршей любимого архитектора фюрера Шпеера⁶. Сделанных в Москве ее фото также нет, см. ниже кинокадры с ее участием.]

Сопровождающие

- 18. Член охраны Вишпер**
- 19. Член охраны Ганс Вернер**
- 20. Член охраны Конрад Шнайдер**
- 21. Член охраны Эргард Феттер**
- 22. Член охраны Фриц Зикер**
- 23. Член охраны Фриц Рам**
- 24. Член охраны Курт Козне**
- 25. Камердинер Пауль Бонке**

Обслуживающие

- 26. – “ – Фридрих Леске**
- 27. – “ – Рихард Заваде**
- 28. – “ – Эрхард Шмидт**
- 29. – “ – Альфред Войтш**

Летный персонал

- 30. Капитан-летчик⁷ Гейм**

[Сведений не обнаружено, похоже, это летчик эскадрильи Гитлера – Людвиг Гайм.]

- 31. Капитан-летчик Вальтер Оппенберг**

⁶ «Ильзе отправилась вместе с ней в Берлин. По просьбе Евы Альберт Шпеер предложил ее старшей сестре должность своей секретарши. Гитлер несколько смягчил режим секретности, поэтому позволил себе пригласить обеих молодых женщин на полуофициальный ужин в рейхсканцелярию. Когда подали десерт, Гитлер спросил Риббентропа: “Если вы не против, я открою тайну?” Министр иностранных дел только горделиво улыбнулся в ответ. Тогда Гитлер во всеуслышание заявил: “Никакой крупномасштабной войны не будет. Сегодня ночью Риббентроп вылетает в Москву. Мы подписываем с русскими договор”. В эти предваряющие начало величайшей в новейшей истории войны роковые часы Ева неотступно находилась рядом с Гитлером. Ее альбом содержит поразительные любительские снимки, но еще более ошеломляющее впечатление производят подписи под ними...” [23. С. 138].

⁷ Звание командира экипажа в немецкой гражданской авиации.

[Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

32. Старший машинист-летчик Вильгельм Вольшке

[Бортмеханик. Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

33. Старший радист Вальтер Коберг

[Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

34. Капитан-летчик Иоган Бауэр

[Ганс Баур, 1897–1993, личный сотрудник Гитлера – его шеф-пилот, впоследствии генерал-лейтенант авиации, обергруппенфюрер СС. Нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

35. Капитан-летчик Клиэр

[Не обнаружен, похоже, это искаженное имя, в своих мемуарах Г. Баур утверждает, что пилотом второго самолета был Лир.]

36. Старший машинист-летчик Макс Цинтль

[Старший бортмеханик экипажа Г. Баура, который в мемуарах назвал его бортинженером.]

37. Старший радист Карл Лециевский

[Старший радист экипажа Г. Баура, в мемуарах Г. Баур называет его летчиком.]

38. Радист Франц Герман

[Сведений не обнаружено. Возможно, это псевдоним.]

Члены делегации, не указанные в списке, но упомянутые в советской прессе в 1939 г

Форстер Альберт (1902–1952) – партийный деятель, обергруппенфюрер СС, гауляйтер Данцига (с 1930 г.). С 26.10.1939 по 8.5.1945 гауляйтер Данцига – Западной Пруссии и имперский наместник Западной Пруссии; сентябрь

Кордт Эрих – немецкий дипломат (род. в 1903); с 1934 г. работал в германском министерстве иностранных дел в подчинении у Иохима фон Риббентропа, возглавлял бюро министра; принимал участие в важных переговорах и совещаниях на высшем уровне; сентябрь.

Фон Галем – заместитель начальника протокольного отдела МИД; сентябрь

Штейнбикель – фото не обнаружено. Возможно, это Отто Штайнбринк (1888–1949), один из руководителей германской металлургической промышленности и «фюреров» военной экономики; август, сентябрь.

Фотография О. Штайнбринка 20-х годов, более поздние не обнаружены.

Неопознанные лица делегации

1. Пожилой человек лет 65, седой, со шрамами на лице, присутствовал в кремлевском кабинете и в августе, и в сентябре. Ниже приведены четыре фотографии и один кинокадр, на которых он обнаружен и помечен знаком X1.

23—24 августа 1939 г. Молотов, Сталин, Шуленбург, неизвестный, Риббентроп

Фрагмент кинокадра проводов Риббентропа 24 августа 1939 г.

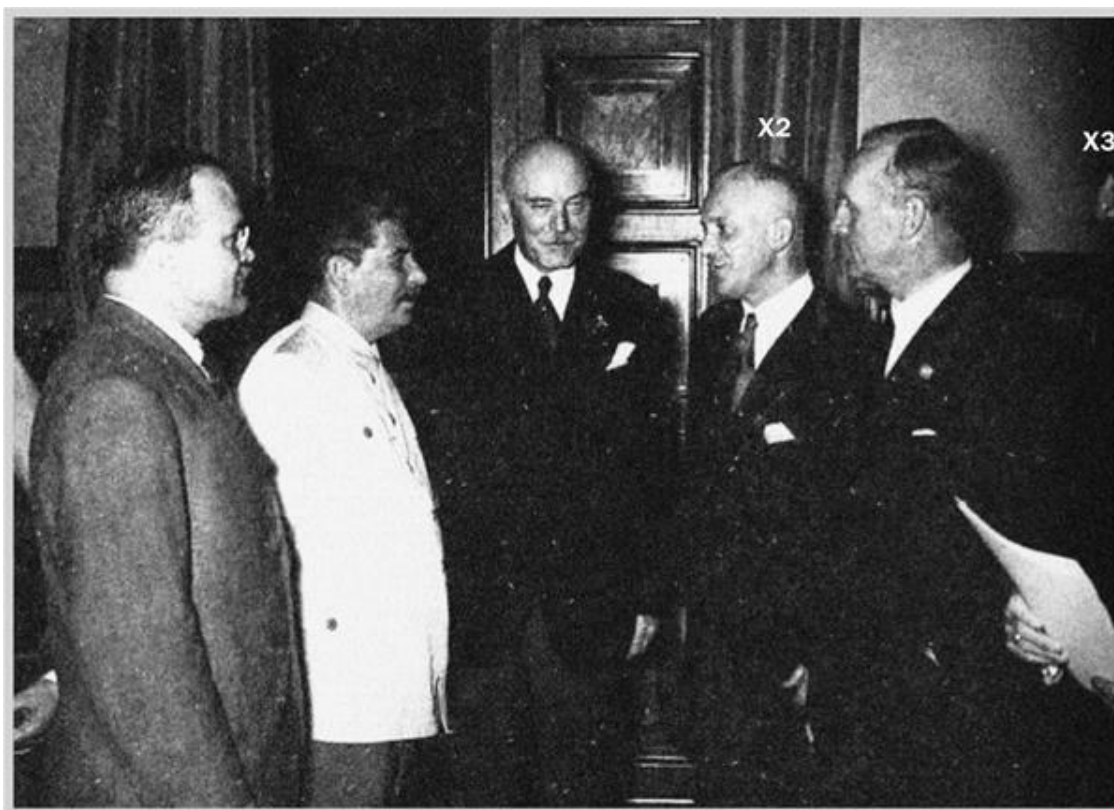
Подписание Договора о дружбе и границе

2. Человек 55–60 лет, обнаружен только на одном снимке, сделанном в августе, причем видно, что он беседует лично со Сталиным. Помечен знаком X2. Его выправка и вытянутые по швам руки свидетельствуют о том, что это военный. Внешне он очень похож на генерал-полковника (с 1940 г. генерал-фельдмаршала) В. Кейтеля (1882–1946), начальника ОКВ – прической, усиками, формой подбородка и уха.

3. Человек с характерным крючковатым (возможно даже сломанным) носом участвует в той же беседе со Сталиным и Молотовым. В его правой руке листы бумаги и какой-то брелок. Почему-то его очень не хотели показывать раньше, и сейчас не спешат показать россиянам, поэтому почти полностью вырезали из снимка. Он помечен знаком X3 и весьма похож на К. Хаусхофера.

23—24 августа 1939 г. Один неизвестный (X2) слева от Риббентропа, а справа видны нос и руки другого с листом бумаги и брелоком (X3).

X2 = В. Кейтель?

В. Кейтель, 8 мая 1945 г.

На левом снимке – увеличенный фрагмент лица человека, стоящего справа от Риббентропа (X3) на предыдущем снимке, где видны только его нос и рука. На мой взгляд, это К. Хаусхофер, потому что именно он был идеологом создания континентального блока – «Оси». Листы бумаги и брелок в руках типичны для него, брелок – скорее это четки (он всегда тяготел к Востоку). На двух следующих фото – К. Хаусхофер, ученый-геополитик, учитель Гесса, автор многих идей книги «Майн кампф».

24 августа 1939 г. Тост Сталина за здоровье Гитлера. Гофман в мемуарах утверждает: Сталин произнес тост за него – «за величайшего фотографа Германии», к тому же на немецком языке, что нереально.

Э. Кох

Г. Гофман

X4 – Кох или Гофман?

X5 =? Фрагмент кинокадра

Кенигсберг. 27 сентября 1939 г. Перед вылетом делегации в Москву. На переднем плане Риббентроп и гауляйтер Восточной Пруссии Э. Кох. Сзади в фуражках два военных летчика, вероятнее всего, пилоты вылетающих самолетов: справа – Баур, слева – пилот второго самолета

Сентябрь 1939 г. Из этого кинокадра встречи, показанной в нашей стране лишь через 60 лет, видно, что делегация Риббентрона второй раз прилетала в Москву как минимум тремя самолетами, один из которых был «Кондор» (справа) и два Ю-52 (в центре и слева)

27—28 сентября 1939 г. Х6 – вероятнее всего, Кордт

Фотографии, опубликованные в 1939 г

А теперь посмотрим, какие же фотографии встреч советского и германского руководства были опубликованы в советской печати в 1939 г.

Из 41 известных мне фото августовских и сентябрьских встреч Сталина и Молотова с Риббентропом было опубликовано **всего три фотоснимка – один августовский и два сентябрьских.**

Вот единственный опубликованный тогда снимок августовской встречи. Он сделан фотографом М. Калашниковым 23 августа (точнее – ночью 24 августа) 1939 г. в кабинете Молотова сразу же после подписания советско-германского Договора о ненападении. Начальник юридического отдела МИД Германии Ф. Гаус гордо показывает его подписанные листы. Справа от него – довольные Риббентроп, Сталин и Молотов. Снимок был опубликован в «Правде» 24 августа 1939 г.

Далее идет первый из двух опубликованных тогда сентябрьских снимков. Он сделан фотокорреспондентом ТАСС Ф. Кисловым 27 сентября 1939 г. и напечатан в «Правде» 28 сентября. По непонятной причине этот снимок никогда не повторялся в последующих публикациях и сохранился лишь в пожелтевшей газетной копии. На нем четко видны два приземлившихся немецких самолета.

Второй снимок был опубликован в «Правде» 28 сентября 1939 г. На нем запечатлен процесс подписания договора Молотовым. У него, как и у Сталина, на лице явное удовлетворение (выиграли!), которое контрастирует с задумчивым взглядом Риббентропа (временная уступка?). Эта фотография интересна тем, что на ней имеются следы монтажа – похоже, что справа от Сталина стоял кто-то из скрываемых участников этой встречи, которого заменили советским переводчиком Павловым.

Для сравнения я привожу другой снимок этого же места в кремлевском кабинете. На нем видно, что позади стола Молотова – плоская стена без всяких выступов, стыков и сводов, которые видны на опубликованной в сентябре 1939 г. фотографии. На той заметны разделяющая Сталина и Павлова линия, нестыковка правого плеча Павлова, ретушь вокруг головы Гауса.

Члены «ближнего круга» фюрера в составе делегации

Изучение состава делегации Риббентропа показало, что **семь ее членов были из ближайшего окружения Гитлера**. Можно, конечно, предположить, что своего личного pilota Ганса Баура вместе с самолетом «Кондор» FW-200 фюрер выделил Риббентропу для обеспечения максимальной скорости и безопасности этого важнейшего полета. По имеющимся сведениям, этот «Кондор» был оснащен самыми современными навигационными приборами, а кресло фюрера в нем было оборудовано различными средствами безопасности, в том числе для парашютирования. Своего личного фотографа и друга Г. Гофмана фюрер мог послать для того, чтобы тот сделал снимки, дающие полное представление о загадочном русском диктаторе. Но очень трудно объяснить, зачем в делегацию Риббентропа Гитлер включил своего постоянного представителя Хевеля, личного адъютанта Шульце, своего офицера-ординарца Вюнше, личного врача Брандта и личного переводчика с английского и французского, а также стенографиста-хронографа Шмидта – людей, которые практически неотлучно всегда находились рядом с фюрером.

Если же добавить к ним оказавшихся в кремлевском кабинете лиц Х2 и Х3 (предположительно, геополитика К. Хаусхофера и генерала В. Кейтеля – весьма близких Гитлеру главных его советников), а также вышеупомянутую «фройлен Эдит Крюгер» – Еву Браун, то наиболее вероятной причиной включения в делегацию Риббентропа столь значительной части свиты Гитлера окажется не что иное, как... тайное участие в ней самого фюрера, возможно, под именем неидентифицированного Эдуарда Брюкельмейера.

Ниже приведена фотография Гитлера с полным составом его «ближнего круга», полужирным шрифтом выделены имена тех из них, кто был включен в состав делегации или оказался с ней в Москве инкогнито. Из них в газетных сообщениях о составе делегации был упомянуты лишь фотограф Гофман и адъютант Шульце (Рихард – брат Ганса Теодора).

*Ставка «Вольфшанце». Июнь 1940 г. Слева направо: 1-й ряд – Брукнер, Дитрих, **Кейтель**, Гитлер, Йодль, М. Борман, Белов, **Гофман**; 2-й ряд – Энгель, **д-р Брандт**, Бодениатц, Шмундт, Вольф, Моррель, Ганс Теодор **Шульце**; 3-й ряд – Путткамер (за Кейтелем), Лоренц (за Бодениатцем), **Хевель** (за Гитлером), неизвестный (за Шмундтом), Шауб, **Вюнше***

Вполне возможен и другой вариант: Гитлер собирался лететь в Москву, но в последний момент передумал или обстоятельства не позволили ему этого сделать.

Тогда понятно отсутствие некоторых членов его свиты, включенных в список делегации, на фотографиях и в кинокадрах, сделанных в Москве. Если Гитлер тайно прилетал, то встреча,

переговоры и проводы проходили тайно, если же он передумал или не смог прилететь – не прилетел и никто из его окружения, кроме Гофмана и Шульце, а также Евы Браун.

Есть несколько интересных фактов, косвенно подтверждающих возможность прилета Гитлера в Москву в августе 1939 г. Шеф-пилот Гитлера Ханс Баур утверждает, что 23 августа пилотируемый им самолет (разумеется, он указывает, что с Риббентропом на борту) встречал, а 24 августа провожал Молотов. Хотя, согласно публикациям в прессе и многим мемуарам, а также кинокадрам, это делал замнаркома Потемкин. Так может быть, самолет с Гитлером на борту, который вел Баур, приземлился не на Центральном аэродроме, а на одном из подмосковных военных аэродромов?

Весьма показателен еще один факт. Когда делегация летела из Москвы, в воздухе якобы была получена команда фюрера приземлиться не в Берхтесгадене, а в Берлине. «Неожиданно наш самолет радиогаммой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день», – написал в своих предсмертных мемуарах Риббентроп. Это значит, что Гитлер приземлился в Берлине, якобы возвращаясь из Берхтесгадена, в тот самый день, когда Риббентроп прилетел из Москвы. Интересно отметить, что и Гитлер, и Риббентроп были в этот день (24 августа) в белых плащах (см. ниже), хотя Риббентроп прилетел в Москву 23 августа в черном (см. справа).

24 августа 1939 г. Гитлер прилетел из Берхтесгадена в Берлин встречать Риббентропа. Кинокадр немецкой хроники.

23 августа 1939 г. кинокадр сделан в Москве в день прилета.

24 августа 1939 г. Кинокадр сделан в Москве в день отлета.

А теперь проанализируем несколько фактов, опровергающих возможность пребывания Гитлера в Москве в августе 1939 г. с делегацией Риббентропа. Статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер в своих воспоминаниях «Посол третьего рейха» пишет: «Договорившись о том, что я приеду к Гитлеру на следующее утро с Хендерсоном (посол Англии в Берлине. — А. О.), я

отправился спать... Всем известно, как протекали беседы в Бергхофе, одна состоялась утром, а другая в полдень 23 августа 1939 года... На следующее утро, 24 августа, я общался с Гитлером наедине... 24 августа, после нашего возвращения на самолете в Берлин, стало ясно, что британский парламент не оказал Гитлеру того уважения, на которое тот рассчитывал... Вечером того же дня Гитлер в присутствии Геринга и меня заставил только что вернувшегося Риббентропа описать, как выглядела ситуация в Москве» [14. С. 216–218].

На первый взгляд, эта цитата говорит о том, что Гитлер не мог быть в Москве 23–24 августа. Но не будем забывать, что, во-первых, свои воспоминания Вейцекер писал в тюрьме в 1947–1950 гг., а значит, он не мог не считаться с официальной точкой зрения стран антигитлеровской коалиции. А, во-вторых, единственная встреча Гитлера в эти дни с иностранцем, послом Англии Гендерсоном, в присутствии Вейцекера могла произойти действительно 23 августа, но утром, еще до вылета фюрера в Москву. Вторая беседа Вейцекера с Гитлером 23 августа и «общение наедине» 24 августа вполне могли состояться... по телефону, когда фюрер уже был в Москве, или по радио во время полета (ведь Риббентроп пишет, что получил указание фюрера об изменении маршрута полета именно по радио). А вечером 24 августа все они собрались в Берлине.

Есть еще одно косвенное свидетельство в пользу тайного приезда Гитлера в Москву с делегацией Риббентропа. Пилот Баур описывает прилет в Москву так: «Пока мы кружили над аэродромом, я смотрел вниз и думал: “Что за беда! Что там происходит?” Я видел десятки советских флагов и германских со свастиками, развевавшихся по ветру, внушительный почетный караул и оркестр со сверкающими на солнце медными инструментами» [4. С. 204–205]. А вот что докладывал своему правительству посол США в Москве Ч. Болен: «Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали – флаги с изображением свастики – на студии “Мосфильм”, где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с “Интернационалом” в аэропорту, куда приземлился Риббентроп» [52. С. 35].

Риббентроп же в своих мемуарах отмечает советский и германский флаги в единственном числе: «Мы прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха». П. Шмидт в своих воспоминаниях также отметил, что, выйдя из самолета, увидел «флаг со свастикой в дружеском соприкосновении с флагом с серпом и молотом» – оба флага в единственном числе.

Есть еще одно существенное различие в описаниях встречи в московском аэропорту. Почему-то только американский посол и личный пилот фюрера Баур пишут о почетном карауле и оркестре, остальные подчеркивают скромность этой встречи – от НКВД были только замнаркома Потемкин и заведующий Протокольным отделом Барков, никакой торжественной церемонии этой встречи не зафиксировано ни в мемуарах, ни в кинофотодокументах⁸. Это тоже может навести на мысль, что встреч было две, из которых одна была тайной.

А вот еще один кадр – из немецкого киножурнала «Вохеншау» (аналога советского киножурнала «Новости дня»). На нем показана триумфальная встреча Риббентропа немцами после подписания пакта Риббентропа – Молотова. Все понятно: немцы радуются тому, что войны на два фронта не будет, более того – из России будут поступать в большом количестве зерно и нефтепродукты. Вопрос в том, где и когда произведена эта съемка?

⁸ Риббентроп, правда, написал в мемуарах, что при встрече обошли «строй почетного караула советских военно-воздушных сил», однако он или ошибся, так как такой почетный караул был в его сентябрьский прилет, либо скрыл, что так встречали 23 августа другой самолет делегации и в другом месте.

Если это происходит 24–25 августа 1939 г. в Берлине, то почему справа от стоящего в машине триумфатора Риббентропа сидит гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох? Если же это происходит в Кенигсберге – столице Восточной Пруссии (откуда, кстати, делегация Риббентропа и вылетала в Москву 23 августа), то присутствие Коха абсолютно понятно – он встречает Риббентропа как хозяин региона либо разделяет с ним триумф как участник поездки в Москву. Но тогда почему же не выполнено полученное Риббентропом в воздухе указание Гитлера о смене курса его самолета и приземлении в Берлине? Сам Риббентроп в мемуарах упомянул, что была сделана кратковременная остановка в Кенигсберге, но о триумфальной встрече населения почему-то не сказал ни слова.

В Кенигсберге 24 августа 1939 г. Риббентроп (с поднятой рукой) на балконе, скорее всего, резиденции гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха

Жители Кенигсберга приветствуют Риббентропа.

И наконец, последний штрих. В своей книге воспоминаний Г. Баур опубликовал приведенный на с. 93 снимок Гитлера в белом плаще возле своего личного «Кондора» «Гренцмарк», который летал в Москву 23 августа 1939 г., причем Баур подписал этот снимок так: «Перед стартом. Польша, 1939 год» [4. Фотовкладка. С. 12]. Однако известно, что война в Польше началась в сентябре, Гитлер приехал туда на своем спецпоезде. На самолете же, находясь в Польше, он первый раз вылетел лишь 22 сентября – в день гибели в этой войне первого немецкого генерала – Фриче. Этот снимок никак не соответствует времени и ситуации – ни по погоде, ни по одежде, ни по настроению. Скорее всего, просто Баур скрывал истину, и, возможно, этот снимок сделан при пересадке фюрера с «Кондора» на Ю-52, на котором он вернулся в Берлин, чтобы там встретиться с Риббентропом и при большом стечении приближенных (!) выслушать его восторженный отчет о встрече со Сталиным.

Вполне возможно, что на верхнем снимке зафиксирована встреча в Кенигсберге прилетевшего 24 августа 1939 г. из Москвы фюрера (возле «Кондора» «Греницмарк», того самого, на котором Риббентроп улетал из Москвы), а на нижнем – выход фюрера с сопровождением из «Юнкерса» Ю-52 в тот же день в Берлине.

Не исключено, что этот снимок, запечатлевший доклад Риббентрона Гитлеру и получивший в последние годы широкую известность, был сделан специально для сокрытия факта пребывания Гитлера в Москве.

«Фройлен» в составе делегации – Эдит Крюгер или Ева Браун?

На кинокадрах, снятых в момент прощания с делегацией Риббентропа 24 августа и ее отлета из Москвы, я обнаружил лишь двух отъезжающих женщин – обе в белых платьях.

Первая из них, в легком шарфике и черной шляпке с белой широкой лентой, все время находится вблизи фотографа Гофмана, адъютанта Шульце или рослого и упитанного охранника. Это хорошенькая блондинка лет 25–28. Весьма вероятно, что именно она указана в

немецком списке делегации под именем Эдит Крюгер с экзотической должностью «фройлен» (явный намек на то, что она лицо неофициальное). Я уже высказал предположение, что этой женщиной могла быть Ева Браун (род. в 1912 г.). Далее я приведу несколько фотографий и кинокадров, сделанных в Москве и подтверждающих эту смелую догадку.

Вторая молодая дама, с фотоаппаратом в руках, все время держится недалеко от Эдит Крюгер и фотографа Гофмана, она без головного убора, брюнетка. На приведенном выше фото она крайняя слева, разговаривает с руководителем экономической делегации К. Шнурре (позади которого адъютант Р. Шульце беседует с «Эдит Крюгер»). Согласно списку делегации, ее зовут Гильда фон Зееф, однако совершенно не исключено, что на самом деле это Ильзе Браун – старшая сестра Евы Браун (она старше на три года).

Ниже я привожу семь фотографий Евы Браун, а под ними три фрагмента из кадров кинохроники о проходах делегации Риббентропа в московском аэропорту, на которых запечатлена фройлен «Эдит Крюгер», весьма похожая на пассию фюрера (возраст, овал лица, форма носа, слегка асимметричный тяжеловатый подбородок, волосы, улыбчивость).

Семь фото Евы Браун

Три фрагмента из кинокадров с «Эдит Крюгер» 24 августа (проводы Риббентропа в Москве)

А вот для сравнения фотография, сделанная в Германии.

На прогулке в Бергхофе. Впереди – Ева с фюрером, за ней – Ильзе (в профиль), возле нее адъютанты. У Евы в руках фотокамера.

Посмотрите еще раз на кинокадр, сделанный 24 августа 1939 г. во время проводов делегации Риббентропа в Москве. Крайняя слева – «Гильда фон Зееф». У нее в руках фотоаппарат.

Теперь я привожу два фото и один кинокадр, весьма убедительно показывающие редкостное сходство «секретарши Гильды фон Зееф» со старшей сестрой Евы Браун – Ильзе Браун.

Ильзе Браун – сестра Евы Браун

«Гильда фон Зееф» – фрагмент кинокадра, снятого в Москве

Ильзе Браун – фрагмент снимка, сделанного в Бергхофе

Таким образом, если к семи людям из ближайшего окружения Гитлера, оказавшимся в списке членов делегации Риббентропа (Шмидт, Хевель, Гофман, Брандт, Вюнше, Шульце, Баур) добавить двух его главных советников, обнаруженных в эти часы рядом со Сталиным (Кейтель и Хаусхофер), да еще сестер Еву и Ильзе Браун, обнаруженных на аэродроме при отлете, то окажется, что в Москве в эти дни побывало одиннадцать человек из постоянного окружения фюрера и его главных советников. А уж что это означает – судите сами.

На мой взгляд, независимо от того, побывал Гитлер в Москве или только собирался туда ехать, обнаруженный список делегации Риббентропа доказывает, что она была сформирована в расчете на участие фюрера. Это означает также, что Гитлер получил приглашение приехать в Москву от Сталина и Молотова и дал официальное согласие, предоставив при этом список своего ближайшего окружения на всех встречах Риббентропа с Молотовым в августе и сентябре 1939 г.

А вот факт приезда самого фюрера пока остается неустановленным.

Мои предположения основываются лишь на одном документе – списке делегации Риббентропа, обнаруженном в ведомственном архиве МИД – Архиве внешней политики РФ.

Рукопись этой книги уже находилась в издательстве, когда мне попала в Интернете фотография человека, лицо которого я где-то недавно видел. Перебрав фото, подобранные для книги, я довольно быстро нашел его «двойника». Им оказался тот самый «упитанный охранник», который на проводах делегации Риббентропа из Москвы 24 августа опекал хорошенькую блондинку «фройлен Эдит Крюгер», а может быть, Еву Браун.

Ганс Раттенхубер

Охранник возле Евы Браун – «Виппер» – «Раттенхубер»

Но под фотографией в Интернете была подпись: «Ганс Раттенхубер... группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (24.2.1945), начальник личной охраны Гитлера». Мало того, что таким образом обнаружен двенадцатый человек из самого близкого окружения фюрера, побывавший в августе 1939-го в Москве, но к тому же он начальник его личной охраны, а еще и его бессменный телохранитель, который просто не имел права отлучаться от своего шефа. Неужели Гитлер отпустил его в Москву на день-два для обеспечения безопасности Евы? В принципе возможно, но маловероятно! Ведь в статье о Гансе Раттенхубере, опубликованной в Википедии, сказано: «Постоянно находился при Гитлере, сопровождая его во всех поездках и обеспечивая его охрану».

Рейхсфюрер Гиммлер благодарит команду под руководством г. Раттенхубера. Надо же, такое совпадение: на случайно найденном в Интернете фото их тоже семеро, ровно столько, сколько было в группе охраны делегации Риббентропа под командой Раттенхубера – «Виппера». А может быть, это они и есть? И время года подходит – лето или начало осени. Неужели бывают такие совпадения?

История появления Раттенхубера возле фюрера такова. Г. Раттенхубер впервые познакомился с Г. Гиммлером в 1918 г. в период их совместного обучения в офицерской школе, в 1929–1933 гг. он был председателем Союза полицейских чиновников Баварии, и Гиммлер очень ценил его как профессионала. Став в 1933 г. полицей-президентом Мюнхена, Гиммлер назначил Раттенхубера своим адъютантом. Для обеспечения безопасности Гитлера во время его пребывания в Баварии Гиммлер создал под руководством Раттенхубера группу охраны из сотрудников криминальной полиции. С этого времени и до смерти Гитлера 30 апреля 1945 г. Раттенхубер являлся бессменным начальником личной охраны фюрера. Скорее всего, охрану делегации в Москве обеспечивали те самые его мюнхенские коллеги. Поэтому вполне вероятно, что руководителем охраны в немецкой делегации был именно Раттенхубер, фигурирующий в немецком варианте списка делегации Риббентропа под фамилией Виппер. Ведь только рядом с этой фамилией указано высокое звание «советник криминальной полиции» (что соответствует армейскому майору или штурмбаннфюреру СС). Шесть остальных охранников в этом списке – просто «служащие криминальной полиции».

Хочу сказать, что до обнаружения «Списка делегации Риббентропа» вероятность приезда с этой делегацией в Москву Гитлера, на мой взгляд, не превышала 5 %. Найденный список увеличил эту вероятность сразу до 50 %. Присутствие в составе этой делегации Евы Браун повышает ее до 75 %, а идентификация сопровождающего ее охранника как Раттенхубера – даже до 90 %.

Так что российским и германским историкам и ведомственным архивистам пора предъявить подлинные документы об этой поездке, а то могут опоздать, и истина будет установлена без них.

Перечисленные факты и кино– и фотодокументы позволяют сделать следующие выводы.

1. Сталин пригласил Гитлера в Москву, и приглашение было принято.
2. Гитлер собирался приехать, иначе никогда не дал бы советскому руководству список своего «ближнего круга».
3. Этим Гитлер проявил величайшее доверие к Сталину, что подчеркивает приезд в составе делегации его пассии Евы Браун со своей сестрой Ильзе Браун под псевдонимами.
4. Тот факт, что должна была состояться встреча первых лиц, подтверждают и фото этих встреч, на которых постоянно присутствует Сталин. Это означает либо то, что Гитлер тоже был там, но «не попал в объектив», либо то, что все его полномочия были переданы Риббентропу (о чем свидетельствует выданная ему Гитлером доверенность).

Берлинские «университеты» для советской оборонной промышленности. Советские авиационные комиссии и делегации в 1939–1941 гг

Одним из самых важных для понимания советско-германских предвоенных отношений в 1939–1941 гг., но, тем не менее, малоизученных направлений удивительного военно-технического сотрудничества являются непрерывные поездки в этот период советских делегаций и комиссий в Германию, а немецких – в СССР (о последних почти нет никаких сообщений). Вопрос о необходимости немедленной отправки советских специалистов в Германию впервые был поднят в Политбюро 4 сентября 1939 г., на 10-й день после подписания договора о ненападении между СССР и Германией и на следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии. Такая близость дат вполне могла означать, что Сталин боялся объявления войны со стороны этих стран и Советскому Союзу в тот момент, когда советские войска вступят на территорию Восточной Польши в соответствии с имевшейся договоренностью об этом с Германией. Оказывается, такой вариант был возможен в соответствии со статьей 1 англо-польского договора от 25 августа 1939 г. и пунктом 1b специального протокола к нему (см. Приложение 1). Поэтому надо было срочно готовиться к большой войне, для чего совершить качественный скачок в военной технике. Помощь в этом деле в сложившейся ситуации могла оказать и оказывала только Германия (особенно после начала Финской войны, когда правительство США наложило «моральное эмбарго» – запрет на поставку авиационных технологий в СССР).

Долгие годы в нашей стране тема поездок в Германию советских комиссий в предвоенный период оставалась одной из самых запретных. Первым рассказал о них в своей книге «Цель жизни» выдающийся авиаконструктор, начальник ОКБ и замнаркома авиапромышленности А. С. Яковлев:

«Вслед за пактом о ненападении было заключено также и экономическое соглашение, по которому Советский Союз обязывался поставлять Германии некоторые виды сырья в обмен на немецкое оборудование и машины, в том числе самолеты.

Для реализации этого соглашения в Германию выехала торговая делегация⁹ во главе с И. Ф. Тевосяном. В авиационную группу делегации вошли А. И. Гусев (руководитель), И. Ф. Петров, Н. Н. Поликарпов, В. П. Кузнецов, П. В. Дементьев и я, а также ряд инженеров разных специальностей. В задачу группы входило ознакомление с немецкой авиационной техникой и выбор наиболее интересных объектов для закупки.

Таким образом, совсем незадолго до войны мне пришлось побывать в Германии. И хотя между нашими странами был заключен договор о ненападении, все мы знали, что фашизм есть фашизм и что рано или поздно, а воевать с фашистами придется. В один из первых дней пребывания в Берлине нас принял генерал-полковник Удет – заместитель Германа Геринга, бывшего в то время министром авиации. Генерал Удет ведал всей технической частью министерства авиации и был теснейшим образом связан с авиационными промышленниками – Мессершмиттом, Дорнье, Хейнкелем и др. Его должность имела громкое название – генерал-фельдцейхмейстер.

Удет – известный военный летчик Первой мировой войны, а также инженер-конструктор. Незадолго до нашего приезда ему удалось установить мировой рекорд скорости на одном из самолетов Хейнкеля, с которым они были большими друзьями.

⁹ Она называлась не делегацией, а комиссией. – А. О.

С первой же встречи Удет произвел на меня хорошее впечатление – невысокий, плотный, с открытым приятным лицом, живой в обращении. Он сразу заявил, что по указанию Геринга покажет нам все самолеты, моторы и предметы оборудования, состоящие на вооружении германских ВВС. Для начала он предложил продемонстрировать немецкую технику на земле и в полете на аэродроме Иоганишталя под Берлином; затем проехать по авиационным заводам Юнкерса, Хейнкеля, Мессершмитта, Фокке-Вульфа, Дорнье; познакомиться там с конструкторами; выбрать то, что мы захотим приобрести, а потом еще раз встретиться для окончательных переговоров. Такая программа с нашей стороны возражений не встретила, и на другой же день состоялся показ в Иогаништале.

На линейке аэродрома в строгом порядке, как на параде, было выставлено много различной военной техники, двухмоторные бомбардировщики “Юнкерс-88” и “Дорнье-215”, одномоторные истребители “Хейнкель-100” и “Мессершмитт-109”, разведчики “Фокке-Вульф-187” и “Хеншель”, двухмоторный истребитель “Мессершмитт-110”, пикирующий бомбардировщик “Юнкерс-87” и другие самолеты. Около каждой машины замерли по стойке смирно экипажи – летчики и механики.

Нас встретили многочисленные чины министерства авиации во главе с Удетом. Для начала Удет пригласил нашего главу – Тевосяна к самолету связи “Шторх” (“Аист”), сел на пилотское кресло и предложил Ивану Федоровичу занять место пассажира. Запустили мотор, и прямо с места, с очень коротким разбегом Удет поднял машину в воздух, в течение нескольких минут покругил на небольшой высоте над нами и с блеском приземлился точно на стоянку.

Тевосян вышел из самолета и похвалил машину. Позже этот самолет Геринг нам подавил... Затем мы приступили к осмотру выставленных самолетов. Нам были названы их летно-тактические данные, особенности вооружения и оборудования. Когда осмотр закончился, самолеты один за другим с интервалом в одну-две минуты поднялись в воздух, на бреющем полете прошли над нами и в таком же порядке выполнили посадку. Все было организовано образцово. По-видимому, такие показы устраивались не в первый раз и не только для нашей делегации.

Мы вернулись в “Адлон” под сильным впечатлением виденного. Однако нашего генерала Гусева одолевали сомнения: не могли же немцы показать нам действительный уровень военной авиационной техники. “Наверное, нас считают дураками и показали старье, а не современные самолеты”, – говорил он.

Признаться, меня тоже смущала откровенность при показе секретнейшей области вооружения. Действительно, может быть, нас водят за нос, втирают очки, пытаюсь продать устаревшие типы самолетов? После зрелого размышления мы решили, однако, пока не спешить с окончательным заключением, а побывать на заводах. Там будет виднее.

И действительно, поездка по заводам во многом помогла рассеять наши сомнения. Серийное производство самолетов и моторов, характер технологической оснащенности заводских цехов довольно убедительно говорили о том, что показанное в Иогаништале и есть основа технического оснащения “Люфтваффе” – военно-воздушных сил гитлеровской Германии. Однако некоторые члены нашей комиссии держались другого мнения. “Старье, барахло, настоящую, современную технику скрывают, покупать нечего” – вот что они нам твердили...

По возвращении в Берлин нас, как и было обещано, снова принял Удет. Однако его отношение резко изменилось, когда наш старший, генерал Гусев, в довольно бестактной форме заявил, что показанные самолеты устарели, интереса для нас не представляют и что мы хотели бы увидеть технику сегодняшнего дня. Удет вспыхнул:

– Я офицер и за свои слова отвечаю. Мы показали все, и, если вам не нравится, не покупайте. Мы не настаиваем – дело ваше.

Когда во время разразившейся через полтора года войны против Советского Союза гитлеровская авиация стала терпеть поражения от советских летчиков, виновником этих неудач

гитлеровцы объявили Удета. Его обвинили в том, что он выдал советским людям, то есть нашей делегации, все секреты “Люфтваффе”. В начале 1942 года в Москву поступили сведения, что “при испытании нового оружия погиб генерал-полковник Удет”.

Из опубликованных после войны мемуаров конструктора Хейнкеля стало известно, что против Удета интриговал другой заместитель Геринга – фельдмаршал Мильх. Геринг пытался их мирить, но у него ничего не получалось. Конфликт с каждым днем обострялся. Мильх, пользуясь расположением Гитлера, организовал настоящую травлю Удета.

Хейнкель пишет: Удет надеялся, что Геринг поддержит его, так как тот сам опасался честолюбия Мильха, однако маршал старался защитить себя. Он искал компромиссов и не оказал Удету никакой поддержки. Он, правда, все еще не хотел смещать Удета и поставить на его место Мильха, что было бы вполне естественным решением. “Ты должен остаться. Ты должен работать вместе с Мильхом, – не раз говорил он. – Если я отпущу тебя с твоего поста, весь мир поймет, что что-то неладно” <...>

Мильх продолжал свои интриги, которые достигли высшей точки к моменту провала гитлеровского наступления на Москву.

Читаем у Хейнкеля:

“17 ноября в полдень Пфистермайстер (сотрудник Хейнкеля. – А. Я.) позвонил мне из Берлина. “Удет скончался”, – сказал он. У меня перехватило дыхание. “Как это произошло?” – “Застрелился”, – ответил он.

...Удет в своей спальне пустил себе пулю в голову, все было совершенно ясно. Блицкриг против России провалился. “Люфтваффе”, брошенные на восток, были измотаны и разбросаны по русским степям. Их хребет был сломлен...

...По приказу Геринга власти позаботились о том, чтобы никто, кроме гробовщика, не видел его и чтобы его самоубийство держалось под строгим секретом...”

По возвращении из Германии, вечером, только я приехал с вокзала домой, позвонил Поскребышев и предложил сейчас же приехать в Кремль.

У Сталина в кабинете был народ. Шло обсуждение каких-то вопросов. Он поздоровался и пошутил:

– Значит, вас прямо с корабля на бал, посидите, послушайте. Мы скоро кончаем и тогда поговорим с вами.

Через некоторое время он предложил подробно рассказать о поездке. Слушали очень внимательно, не перебивая.

Я не скрыл, что в нашей авиационной группе были разногласия. Наши военные руководители считали, что немцы обманывают нас, втирают очки, показывают старье. Что самолеты “Мессершмитт”, “Юнкерс” и другие – это устаревшие, несовременные машины, а что с современной техникой нас не познакомили. Работники промышленности, наоборот, считали, что такие самолеты, как истребители “Мессершмитт”, бомбардировщики “Юнкерс”, – сегодняшний день немецкой военной авиации. Правда, и нас смущало то, что если это техника современная, то почему нам ее показывают. Однако мы твердо считали, что технику эту надо закупить и как следует изучить.

Сталин очень интересовался вооружением немецких самолетов: стрелково-пушечным, бомбовым, а также сравнением летно-технических данных с нашими машинами аналогичных типов.

Разговор затянулся до поздней ночи и закончился уже на квартире Сталина за ужином» [105. С. 180–189].

«Не успел я еще как следует освоиться с новой должностью, как в марте 1940 года пришлось вторично поехать в Германию с экономической делегацией И. Ф. Тевосяна. Это произошло так же неожиданно, как и первый раз.

Первоначально меня не включили в состав авиационной группы этой делегации. Авиационных специалистов представляли два десятка работников промышленности и военно-воздушных сил. Как потом стало известно, за несколько дней до отъезда Сталин просматривал списки членов делегации и почему-то обратил внимание на отсутствие в списке моей фамилии. И тут же дал указание назначить меня руководителем авиационной группы.

За два дня до отъезда он вызвал меня к себе и стал говорить о задаче, возлагавшейся на комиссию. Она заключалась в том, чтобы в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представляющую для нас наибольший интерес. Требовалось сопоставить уровень наших самолетов и немецких, изучить технические новинки в области авиации вообще. Внимательно выслушав Сталина, я в свою очередь поставил перед ним несколько вопросов.

Первый вопрос – о составе авиационной группы. Я считал, что поскольку мне придется отвечать за выполнение порученных группе заданий, то я имею право скорректировать состав ее участников, на что мне сразу же было дано согласие» [Там же. С. 211–212].

«После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители “Мессершмитт-109” и “Хейнкель-100”, бомбардировщики “Юнкерс-88” и “Дорнье-215”.

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количестве подлежащих закупке самолетов.

Заведующий инженерным отделом торгпредства Кормилицын предложил действовать по обычной в таких случаях схеме: от имени торгпредства послать запрос во Внешторг, чтобы последний согласовал его с ВВС и Наркоматом авиационной промышленности, то есть потратить несколько месяцев на ведомственные переговоры без гарантии на успех.

Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: “Москва, Иванову”. Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне зашифрованный телеграфный адрес: “Москва, Иванову”, он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставляющий право на месте определить типы и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительством задача была успешно решена.

В общем, вторая поездка в Германию оказалась такой же интересной и полезной, как и первая, а может быть, еще интереснее, потому что если первая носила ознакомительный характер, то эта – деловой: мы отбирали и закупали нужную нам авиационную технику.

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину, у которого находились Молотов, Микоян, Маленков и Шахурин. Со мной долго и подробно беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина. Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше – немецкие или английские, как организована авиапромышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС – “Люфтваффе” и промышленностью и т. д.

Участовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунили ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответ-

ствуется современному уровню развития немецкой авиации. Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал» [Там же. С. 222–223].

«Советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 года были непродолжительны и, как известно, бесплодны. Вся делегация во главе с Молотовым вернулась в Москву, а меня оставили еще на две недели, так как я получил задание использовать свое пребывание в Германии для ознакомления с авиационными заводами, на которые мне не пришлось попасть в предыдущие поездки.

Мне удалось встретиться с некоторыми немецкими авиационными специалистами и еще раз побывать на нескольких заводах, которые нам охотно показывали. Как и в прежние поездки, я задумывался над вопросом: почему гитлеровцы так откровенно знакомят со своей авиационной промышленностью – одной из секретнейших отраслей вооружения армии? Разгадку дали они сами.

Однажды нас пригласили осмотреть авиационный завод Хейнкеля в Ораниенбурге, под Берлином. Завод хороший. Правда, не было случая, чтобы нам показали какой-нибудь завод сразу. Следовало предупредить заблаговременно, что хотим посмотреть такое-то предприятие. Нас туда возили, но показывали, естественно, все в “подготовленном” виде. После осмотра авиационного завода директор предложил мне записать свои впечатления и отзыв в книге почетных посетителей. Я поинтересовался, кто там писал до меня. Оказывается, мы были не первыми из иностранцев, которым показывали этот завод. Многие известные деятели авиации крупнейших стран мира – США, Англии, Франции, Японии – осматривали завод и оставили свои отзывы. Я обнаружил, что здесь побывал и оставил восторженную запись знаменитый американский летчик Линдберг.

Директор завода обратил особое внимание на автограф главнокомандующего французским воздушным флотом генерала Виена, который посетил этот завод незадолго до начала войны с Германией. Генерал написал: замечательный, лучший в мире завод, который делает честь и славу не только строителям завода, но и вообще германскому воздушному флоту. Пока я читал, директор лукаво поглядывал на меня. Я прочел и спросил:

– Ну что же тут особенного? Ваш завод стоит такой оценки.

Директор ответил:

– Дело в том, что генерал Виен был у нас за полтора-два месяца до войны. Он и его спутники посмотрели наш завод и немецкую авиацию похвалили, но, видимо, не сделали соответствующего вывода, потому что через два месяца французы отважились на войну с нами.

Стало понятно, что французскому генералу показывали этот лучший германский самолетостроительный завод, чтобы доказать: авиационная мощь Германии неизмеримо выше воздушной мощи Франции. Они запугивали французов, англичан, запугивали американцев, надеялись запугать и нас. Чувствовалось их стремление поразить нас своей мощью. Не только внушить уважение к немецкой технике, но главным образом посеять в нас страх перед немецкой военной машиной, заложить основу того, чем они побеждали других: заразить паническим ужасом перед мощью гитлеровской Германии и сломить волю к сопротивлению.

По возвращении в Москву меня сразу же, чуть ли не с вокзала, вызвали в Кремль. Сталин проявлял чрезвычайный интерес к немецкой авиации. Поэтому не случайно, как уже, наверно, заметил читатель, каждый раз по возвращении из предыдущих поездок в Германию, меня в тот же день к нему вызывали» [Там же. С. 231–233].

А вот как описывает поездки в Германию другой постоянный член авиационной подкомиссии генерал-майор, а впоследствии генерал-лейтенант авиации И. Ф. Петров – заместитель начальника НИИ ВВС, а затем начальник НИИ ВВС и начальник ЦАГИ, заместитель начальника ГУ ВВС – в своей книге «Авиация и вся жизнь»:

«Вслед за подписанием пакта о ненападении между СССР и Германией была достигнута принципиальная договоренность о торгово-экономическом соглашении, по которому Германия в обмен на некоторые виды сырья обязывалась поставить нам промышленное оборудование, станки, машины, образцы военной техники. Для реализации этого соглашения в октябре 1939 г. в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС И. Ф. Тевосьяном¹⁰. В состав комиссии входили конструкторы, руководящие деятели промышленности, сотрудники научно-исследовательских институтов и представители военного ведомства.

В период с октября 1939 по январь 1940 г. члены комиссии осмотрели большое количество образцов военной техники: самолеты, моторы, пушки, танки, самоходные артиллерийские установки, радиотехническую аппаратуру, военные корабли и т. д., и посетили многие предприятия, производившие эту технику. На основе этой подготовительной работы были составлены списки оборудования и образцов техники, которые комиссия рекомендовала к закупке в качестве объектов изучения или для оснащения предприятий. Рекомендованные списки и легли в основу проекта торгово-экономического соглашения между СССР и Германией.

Первоначально руководителем авиационной группы в составе комиссии был назначен генерал Л. И. Гусев. В группу входили П. П. Поликарпов, А. С. Яковлев, П. В. Дементьев, В. П. Кузнецов, Л. Д. Швецов, С. П. Супрун, я и ряд инженеров разных специальностей. После посещения крупнейших заводов Мессершмитта, Хейнкеля, Юнкерса, Дорнье, Фокке-Вульфа у руководителя нашей группы Л. И. Гусева сложилось впечатление, что на заводах нам показывают уже устаревшие типы самолетов, и потому от закупки этих самолетов он отказался. Однако члены комиссии, с “пристрастием” осматривавшие цеха и видевшие детали незавершенного производства, пришли к выводу, что показанные немецкие самолеты составляют основу вооружении “Люфтваффе”. Об этом и был поставлен в известность ЦК партии при докладе о результатах поездки. Поэтому в марте 1940 г. было принято решение послать в Германию вторую комиссию, руководителем авиационной группы которой был назначен уже заместитель наркома авиационной промышленности А. С. Яковлев, а я, числившийся по заграничному паспорту инженером ЦАГИ, – его заместителем. Нашей группой были осмотрены самолетостроительные заводы Хейнкеля в Ростоке, Юнкерса в Дессау, Дорнье в Фридрихсгафене, Мессершмитта в Регенсбурге и Аугсбурге, Фокке-Вульфа в Бремене, Хеншеля в Шокефельде; моторостроительные заводы Даймлер-Бенц в Штутгарте и Бисдорфе, Юнкерса в Дессау, Сименса и Гальске в Берлине, Хирта вблизи Берлина, завод “Байрише Моторен Верке” (BMW) в Мюнхене; заводы, поставлявшие оборудование для самолетов и моторов, – Боша в Штутгарте, Сименса и Гальске в Берлине, Шварца в Берлине, Юнкерса в Магдебурге, Карла Цейса в Иене, завод “Аскания Верке” в Берлине и многие другие.

Мы осматривали лаборатории, цеха, испытательные станции и стенды, беседовали с конструкторами и производственниками. В результате нам не только удалось ознакомиться с имевшимися конструкциями, но и увидеть перспективу их дальнейшего развития на ряд лет.

На основе оценок, сделанных авиационной группой, было решено закупить следующие образцы самолетов: по два экземпляра бомбардировщиков J-88K1 (пикирующий вариант), J-87

¹⁰ По непонятной причине Петров даже не упоминает о первой комиссии по заказам военной техники в Германии и Италии, авиационную бригаду которой по предложению А. И. Микояна от 7.09.39 г. (см. ниже) должен был возглавлять Ильюшин и в которую из перечисленных Петровым лиц (в том числе и его самого) должны были входить лишь Яковлев, Кузнецов и Швецов. Есть несколько серьезных несовпадений и в указанном Петровым составе авиагруппы Хозяйственной комиссии Тевосьяна, утвержденной решением Политбюро № П8/128 от 23 октября 1939 г. и состоявшей из двух бригад, одну из которых возглавлял Ильюшин, а вторую Гусев. Из перечисленных Петровым лиц в нее не входили Поликарпов, Дементьев и Супрун, из чего следует, что они были командированы в Германию с другой группой позже. Значит, количество советских представителей из руководства оборонными отраслями промышленности, главных конструкторов военной техники и наркомата обороны, работавших с сентября 1939 по май 1941 г. в Хозяйственной комиссии в Германии, могло быть гораздо больше 98 человек, перечисленных в трех списках, утвержденных Политбюро. Это подтвердилось при обмене посольств и колоний представителей СССР и Германии в июле 1941 г.: с немецкой стороны – 140 человек, а с советской – 1 041 человек (большинство из которых составляли приемщики продукции на немецких заводах). – А. О.

и Do-215; по пять экземпляров истребителей He-100, Me-11 °С-2 (двухмоторный) и Me-109Е; два экземпляра двухмоторного учебного самолета FW-58 <...>.

После осмотра основных авиационных заводов Германии большая часть членов авиационной группы – П. В. Дементьев, А. С. Яковлев, Н. Н. Поликарпов и др. – уехала в Москву. Закупку отобранных самолетов и отправку их в Москву А. С. Яковлев по согласованию с Москвой возложил на меня»[65. С. 46–48].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.